

Министерство культуры Омской области
Омский государственный литературный музей имени Ф.М. Достоевского

Всероссийская конференция

СИБИРЬ

литературная

XVIII-XXI веков

**Материалы Всероссийской научно-
практической конференции**

19 октября 2017

Омск, 2017

Министерство культуры Омской области
Омский государственный литературный музей имени Ф.М. Достоевского

«Сибирь литературная. XVIII-XXI века»

Материалы Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 100-летию общественно-политических событий
февраля-октября 1917 года
(Омск, 19 октября 2017 г.)

ЭЛЕКТРОННОЕ ИЗДАНИЕ

**Омск
2018**

«Сибирь литературная. XVIII-XXI века»: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Сибирь литературная. XVIII-XXI века», посвященной 100-летию общественно-политических событий февраля-октября 1917 года. Омск, 19 октября 2017 г. / ред.- сост.: С.Е. Рудницкая. Омск: 2018. – 117 с.

СОДЕРЖАНИЕ

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ 1917 ГОДА И
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС**

Наука и общество в советские и постсоветские времена

Томилов Н.А. (Омск)..... 6

Сибирская литература и мы – в свете столетия Великой Октябрьской
социалистической революции

Копнинов В.П. (Барнаул)..... 8

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС В СИБИРИ

Старообрядцы Сибири и Европейской России в творчестве

Ф.М. Достоевского

Бытко С.С. (Нижневартовск)..... 17

**ЛИТЕРАТУРА СИБИРИ: ИСТОРИЯ, ПЕРСОНАЛИИ, ТЕКСТЫ,
ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

В поисках пути (о романе Д. Овсянникова «Осколки Сампо»)

Коптева Э.И.(Омск)..... 24

Дар жить и дар писать, или Нетерпение сердца Альбины Соляник

Физиков В.М. (Омск) 29

Творческий феномен произведения А.Н. Радищева «Ангел тьмы»

Демешко В.Н.(Омск) 43

«Океан монотонности» поэта Илмира Колдашева

Тихонов А.А. (Омск)..... 50

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СИБИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Писательская интеллигенция Восточного Казахстана в воспоминаниях

Н.И. Анова

Рахматулина Е.Ю (Казахстан, г. Усть-Каменогорск).....57

Сибирь как «территория смерти» в современной западной массовой литературе

Хлебников М.В. (Томск).....63

РОЛЬ ЛИТЕРАТУРНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЁЖИ

О значении трудов местных писателей-краеведов для формирования исторической памяти: деятельность И.Ф. Петрова (1960-1985 гг.)

Келлер Л.И. (Омск) 72

Литературное краеведение в воспитании молодёжи Таврического района (на примере биографии и творчества К.А. Рябинина)

Никифорова З.И. (Сосновское, Омская обл.) 78

Сибирская литература о сибирской истории (на примере творчества омских литераторов второй половины XX века)

Махнанова И.А. (Омск) 82

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ С УЧРЕЖДЕНИЯМИ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ

Сотрудничество учреждений культуры Омского Прииртышья (на примере областной научной библиотеки и литературного музея)

Каткова Е.И. (Омск)..... 90

ФОРМИРОВАНИЕ, ИЗУЧЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ КРАЕВЕДЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ

Самодеятельная художница В.Н. Чепкина

Гуселетова Т.В. (Большеречье, Омская обл.) 97

ИНФОРМАЦИОННЫЕ И КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ВЫСТАВОЧНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Использование информационных и коммуникационных технологий во
внеурочной деятельности: воспитание патриотизма на краеведческом
материале (на примере мультимедийного проекта «Эпоха Малунцева»)

Восквицова Т.Н., Дрозд С.Н. (Омск)..... 101

Сетевые конкурсы как инструмент продвижения литературного творчества

Ревкова Н.М. (Барнаул).....107

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....115

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ 1917 ГОДА И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

Наука и общество в советские и постсоветские времена

Н.А. Томилов

Всероссийская научно-практическая конференция «Сибирь литературная. XVIII – XXI века» проходит в знаменательный год, когда общественность России и многих других стран отмечает столетие революционных событий в нашей стране в феврале – октябре 1917 г.

Значение Великой Октябрьской социалистической революции мы видим в том, что она сделала возможным осуществление первого в мире опыта создания государства социальной справедливости. На этом пути в РСФСР, а затем и в СССР было немало сложностей, трудностей, перегибов и даже жестокости по отношению к части населения, в том числе и к отдельным народам. Но явных достижений нельзя не заметить. Выдающийся ученый, академик Жорес Иванович Алферов дает им такую оценку: «Советская власть дала народу бесплатное образование, и мы из безграмотной страны стали самой образованной страной в мире. Бесплатное здравоохранение позволило увеличить продолжительность жизни с 32 лет в среднем более чем вдвое. Фактически всему населению было бесплатно дано жилье. В Советском Союзе все имели право на труд, на отдых, и это опять-таки были совершенно реальные права».

И теперь о научном прогрессе в СССР, которому в этом государстве придавалось первостепенное значение. Наука в СССР включалась в состав производительных сил страны. Научная работа, деятельность ученых имели тогда самый высокий уровень престижности в обществе. Ученые образовали высший слой интеллектуальной элиты страны. В итоге были получены величайшие достижения в естественно-научной, гуманитарной и технической областях знаний.

И на современном этапе развития общества в рамках Российской Федерации этот высочайший уровень научного потенциала в определенной мере сохраняется. Он и является базой независимого и стабильного развития российского общества и государства, но сегодня российская наука испытывает и сложности, находится в состоянии почти непрерывного реформирования. Конечно, есть уверенность, что негативные явления в научно-организационной сфере будут постепенно преодолены, а научные достижения будут оцениваться по существу и системно. Роль науки в обществе должна быть ведущей. Значительной становится и востребованность новых научных результатов в областях гуманитарных знаний.

Если вести речь об основном звене двигателя научного прогресса, то это прежде всего деятельность научных школ с их разновозрастным и разноопытным составом ученых. На примере Омска видно, что научные школы гуманитарного профиля формировались в середине – второй половине XX века – сначала в рамках вузов с гуманитарной составляющей и далее на базе научно-исследовательских учреждений, ведущих музеев, научных библиотек и архивов.

И сегодня в непростых условиях кризисных явлений в мире, в том числе и в России, серьезный задел прошедших десятилетий позволяет нам делать первоклассную науку, в том числе в областях гуманитарного знания.

**Сибирская литература и мы – в свете столетия
Великой Октябрьской социалистической революции**

В.П. Копнинов

Нет, сказать, что мы благодаря наступлению круглой даты – столетия, ни много ни мало, – вновь находимся в свете «глобальных свершений» Великой Октябрьской социалистической революции (далее – ВОСР), на самом деле будет преувеличением. К некоторому, пожалуй, сожалению...

А вот в *отсвете* – надо полагать, самое то! Отсвечиваем как можем...

В нашей ушедшей бытности, когда мы являлись страной под названием СССР, и сибирская, и остальная советская литература от Владивостока до Калининграда находилась именно в свете, или, как говорят уголовные и близкие к уголовному миру персонажи детективов, «в цвете».

Находиться в свете – это позиция правильная (А.С. Пушкин, кстати, очень даже в свете вращался и М.Ю. Лермонтов – тоже, если уж братья каламбурить и сбивать редакторов с толку) и для литературы позиция полезная. Вот потому – «к сожалению» ...

Но опять же свет тот, свет советского периода, берущий начало своё от лампочки Ильича, прицельно падал на деятелей литературы и их труды в обмен на твёрдое, как зимний лёд на наших сибирских реках, существование поголовно всей литературы в рамках достаточно скользкого, как упомянутый уже лёд, определения: «социалистический реализм». И, несмотря на то что в определении словечко «реализм» и на слух, и на вес более значимое, понятие «социалистический» – явно ключевое.

В том есть плюсы, в том же есть и минусы... И сейчас, по истечении четверти века с тех смутных дней, когда СССР безвозвратно канул в Лету, оба вышеназванных и почти что каббалистических знака (плюс и минус) видны достаточно хорошо! И лучшая цитата в это место – из Есенина: *«Большое видится на расстояньи...»*

СССР – Союз Советских Социалистических Республик... Мощная сверхдержава, богатая ресурсами (слово казённое, но весьма уместное), как природными, так и человеческими. Сверхдержава с внятной идеологией... С жёсткой идеологией... С идеологией, позволяющей чётко сформулировать цель развития общества и определить основные средства, используемые для достижения цели... Сформулировать, определить и как заготовленные шаблоны прикладывать ко всему сущему в государстве, и к литературе в том числе.

Может быть, сейчас это выглядит забавным, да что уж там – нелепым выглядит, невозможным выглядит... Неприятие и осуждение вызывает взятый из периода 1917–1991-х годов любой факт идеологического давления сверху на автора в выборе им темы своего романа, повести или рассказа и способа литературного изложения.

Нынешний, «не советский», автор свободен как ни в одну из эпох существования государства Российского. Он волен (слово-то какое – вот бы Пушкину его в пользование или Булгакову) сочинять любые тексты по своему усмотрению. Писать и про чиновников-коррупционеров, и про убийц-маньяков, и про прелюбодеев-извращенцев и даже про бывших убийц-маньяков, что, легализовавшись и вложив награбленные миллионы, ловко обернулись чиновниками-коррупционерами, которые, паразитируя на чужом горе, приобрели замашки прелюбодеев-извращенцев...

И, кроме некоторой зависимости от издательств, лучше всех знающих, что купит читатель, и делающих определённые шаги для того, чтобы спрос соответствовал предложению, – больше никто от писателя ничего не требует!

И никакого давления сверху от «руководящей и направляющей», лишь одно благоденствие свыше от «берегущей и вдохновляющей»! Свобода творчества! Но... Не будем спешить и преждевременно открывать шампанское! Это присказка, пожди – сказка будет впереди!

Сибирь! От одного слова захватывает дух, словно вдохнул ты полной грудью зимнего воздуха... вдохнул и замер, настолько свежим, чистым и по-особенному плотным оказался этот воздух. Ветром с Енисея напоённый, на смоле алтайского бора настоящий, чистоплотностью Байкальских глубин наполненный...

Сибирь! Дикая и манящая, отделённая от Европейской России хребтом Уральских гор, непокойная и непокорная территория, давшая во многом и географический, и экономический, и иной прирост государству...

Сибирский человек – труженик! Это в крови... Тот, кто не запасся на зиму топливом и пропитанием, кто не добыл меха и шкур на одежду, кто не овладел промыслом, кто не сумел стать добытчиком, – тот в Сибири не жилец.

Сибирский человек – весь на виду! Сложно здесь затаиться, словчить... Быть тем, кем ты не являешься на самом деле.

Сибирский человек – организован и умел! Мог и в одиночку на медведя выйти, а при таком деле не столько сила важна или удаль бесшабашная, сколько личная организованность и умелость... Зверь промахов не прощает.

Вот точно такая же у нас в Сибири литература – честная (о жизни невыдуманной, о жизни без прикрас), трудовая (тщательно продуманная и вдумчиво написанная), прямая (без виляний и недомолвок, а непосредственно идущая – от сердца к сердцу)... И теснейшим образом слитая с богатством природным Сибири – пространством, избранным предками сибиряков для проживания на планете Земля.

Литература, ветром с Енисея напоённая, на смоле алтайского бора настоящая, чистоплотностью Байкальских глубин наполненная... Литература, выпестованная там, где естественность природы внешней, окружающей и внутренней, человеческой, связаны меж собой нитями многовековыми, теми, что тонки, да не рвутся...

Литература, обусловленная характерами терпеливыми, головами рассудительными... Да и просто умением красоту увидеть, скажем, утренней

росы, что каждой каплей на зелёной травинке повиснет и в тельце своё крохотное целое солнце вместит... Умением красоту увидеть и в душу принять!

Литература, со стоящими незыблемо во главе угла традиционными ценностями, как уж ты их ни назови: библейские заповеди (те, что читались до ВОСР, до семнадцатого года, стало быть) или Моральный кодекс строителя Коммунизма (тот, что был в ходу после ВОСР и вплоть до развала СССР) – всё едино, лишь бы о душе и к душе...

Не знаю – являются ли предки немецкого философа Иммануила Канта выходцами из таёжных поселений староверов? Но могу предположить, что Кант, например, из-за желания более авторитетно выглядеть перед просвещённой Европой этот факт из своей биографии вымарал, но при этом именно он сформулировал творческое кредо сибирских писателей: *«Две вещи наполняют душу всегда новым и всё более сильным удивлением и благоговением – это звёздное небо надо мной и нравственный закон во мне».*

«Ну-у-у! – возразят некоторые. – Да так все вокруг пишут! И про небо... И о нравственности не забывают!» Все, может, и пишут, да не у всех получается! Звёздное небо над головой и внутренний нравственный закон – и то и другое, не исключено, что благодаря сибирским просторам и сибирским морозам в более цельном и не изгаженном виде сохраняются в наших местах до сих пор.

Вот сказал: «у нас в Сибири» – и гордость почувствовал. Гордость за то, что являюсь современником таких земляков-писателей, как Виктор Петрович Астафьев, Валентин Григорьевич Распутин, Сергей Павлович Залыгин, Василий Макарович Шукшин... И ещё радость ощутил, оттого что смог научиться у них свою родную землю любить – строгую и справедливую нашу матушку-Сибирь... *«Нравственность – есть правда»* – так говорил Шукшин. Так думал, так писал, снимал свои фильмы. И так жил...

А обществу, для поддержания иммунитета от жлобства, в обязательном порядке необходима регулярная прививка вакцины нравственности. Чтобы люди оставались людьми при любых обстоятельствах их светлого пути к вершинам цивилизационного развития общества. На то искусство и существует. И литература как его составная часть.

Но именно сибирская литература, помимо неоспоримых художественных достоинств, и была самой надёжной прививкой нравственности в СССР, где жили мы... ещё те мы... советские мы... не нынешние мы, жили, как раз в свете Великой Октябрьской социалистической революции...

Почему именно сибирская? Если считать сибирскую литературу некой вакциной, то в этом смысле она являлась самой действенной. Отчего? Да всё оттого же – она ветром с Енисея напоённая, на смоле алтайского бора настоящая, чистоплотностью Байкальских глубин наполненная... И по большому счёту сибирская литература должна была бы ей, этой самой прививкой нравственности, ныне оставаться и в новом свете – в свете демократических веяний.

Мы... А, впрочем, кто такие мы? Тогда, в те времена эпохи СССР, местоимение «мы» людей объединяло и всем было понятно – кто есть мы!

Я, ты, он, она,

Вместе – целая страна,

Вместе – дружная семья,

В слове «мы» – сто тысяч «я»!

Большеглазых, озорных, чёрных, рыжих и льняных,

Грустных и весёлых, в городах и сёлах.

Это слова советской песни, написанной, кстати, сибиряком, моим земляком с Алтая замечательным поэтом Робертом Рождественским. А из песни, как ни старайся, слова не выкинешь! «Вместе – целая страна...» Вот это примерно и были мы! А потом это «мы» осмеяли, решили, что «мы» – это

те, кто на собраниях единогласно голосует за всё, что предлагается из президиума. Не думая... Не сверяясь с совестью... Не беря на себя ответственность... И выплеснули с водой ребёнка!

Сейчас «мы» звучит почти что неприлично, задвинутое на задворки местоимением «я». «Я» – звучит гордо, «я» – начало всех начал, «я» – цель, а не средство, «я» – человеколичность, обеспеченная всеми демократическими правами... Но кто сказал, что с «я» в обмен на права сняли обязанности? Те же самые обязанности – думать, сверяться с совестью и брать ответственность... Кто сказал?

Когда все мы жили в свете Великой Октябрьской социалистической революции, у государства и литературы были особые отношения. В лице литературы, вернее, в лице писателей (литераторов), в том числе и в лице сибирских писателей, у государства существовала оппозиция.

Не будем брать во внимание совсем уж «придворных» писателей, конъюнктурщиков – их имена, слава богу, никто уже и не помнит. Можем считать, что их нет, будто и не было вовсе! Так вот – литература в СССР являлась оппозицией государству. Да, оппозицией, но оппозицией как минимум с уважением, а то и с любовью относящаяся к своему государству, именно к Союзу Советских Социалистических Республик и ни к какому другому.

Писателей в СССР величали «инженеры человеческих душ» – это выражение Юрия Олеши присвоил себе И.В. Сталин, настолько оно понравилось главе государства. Ещё бы – выражение било в точку! Государству были нужны человеческие души: романтиков, сподвижников и патриотов, а писатели как раз и помогали такие души формировать.

И в этой диалектике единства и борьбы противоположностей длительное время сохранялся баланс. Государство декларировало свою идеологию как квинтэссенцию правды... Вот по этому поводу слова В.И. Ленина, и пусть никого не смущает, что это Ленин, – он здесь необходим, он первоисточник:

«Надо говорить массам горькую правду просто, ясно, прямо...», и ещё, его же: *«Надо иметь мужество глядеть в лицо неприкрашенной горькой правде»*, и ещё: *«Не надо обольщать себя неправдой. Это вредно...»* А главная газета СССР – была газета «Правда».

«Нравственность – есть правда» – вновь вспомним В.М. Шукшина. А высшую и самую точную нравственную оценку даёт не суд и не прокуратура, а литература в первую очередь. Круг замыкается. И в свете Великой Октябрьской социалистической революции государство, устраивая гонения на собственную литературу, уподоблялось змее, кусающей и рискующей откусить свой собственный хвост.

И раньше, тогда, в свете ВОСР, мы гордились тем, что являемся самой читающей страной на планете! Нет, никто не призывает: «Back in the U.S.S.R.» – пусть этот призыв так и останется всего лишь одной из забавных песен «The Beatles», но зачем отказываться от того, чем мы по праву гордились и чего лишились не по своей вине. Просто интересно мне – чем захочет жить завтра каждый отдельно взятый вчерашний выпускник средней школы, у которого благодушно отменили выпускное сочинение по литературе? Кто это знает?

Теперь, когда множество «я» живут в свете новых демократических веяний и в условиях свободного рынка, похоже, интерес к душам граждан со стороны государства заметно ослаб. Ещё бы – заботиться о душе государству хлопотно и затратно. Куда дешевле, да и выгодней, уделять большее внимание пропитанию! По такому случаю допущу большую цитату из «литературоведения» Захара Прилепина – она важна по сути: *«Дело в том, что литература (и не только она) перестала восприниматься властью как занятие, определяющее смысл бытия и значимое в контексте реального управления страной.»*

Николай Первый выступал в качестве личного цензора Пушкина. Сталин писал на полях сочинений Андрея Платонова: «Сволочь!». Горбачёв, при всём том, что читатель был пониже рангом, чем вышеназванные, –

понимал ценность слова, искренне заигрывал то с одним, то с другим властителем дум.

Но представить, что Дмитрий Медведев захочет выступить, пусть не в качестве цензора, но внимательного читателя, скажем, Дмитрия Быкова или Виктора Пелевина, – никак невозможно.

Вообразить, что Владимир Путин читает книгу Эдуарда Лимонова или Владимира Сорокина и пишет на полях «Сволочь!», – снова нельзя...

Нет страха, что на тебя закричат, затопчут ногами. Никто всерьёз не пугается, что за опубликованную крамолу или вольнодумную переписку тебя в компании сотоварищей повесят...

У нас ведь демократия...

Минус той демократии, что мы наблюдаем вокруг себя, только один. Сказать ты можешь вполне. О себе, о Родине, о будущем, о власти... О чём угодно.

Просто их несколько не волнует, что ты скажешь...»

А что вообще всех волнует? Что волнует множество «я», живущих в свете новых демократических идей в предложенном вниманию этих «я», пока ещё полулиберальном обществе, пока ещё полупотребления? Хотя уже и нынче: чем ближе к столицам, тем призрачнее приставка «полу»!..

В Сибири, здесь и сейчас, ещё возможно оставаться самим собою, испытывая священный трепет от звёздного неба над головой и нравственного закона внутри себя. И так будет возможно, пока сохранится в этих местах воздух, ветром с Енисея напоённый, на смоле алтайского бора настоянный, чистоплотностью Байкальских глубин наполненный... Оттого, видимо, Виктор Петрович Астафьев жил и работал до самой кончины в Красноярске, да свою родную Овсянку не забывал... Оттого, к примеру, и Михаил Александрович Тарковский, ассимилировавшийся из москвича в сибиряка, почти так же, как немцы при Петре Первом ассимилировались в постоянных

жителей Российской империи, уехал в небольшой посёлок Бахта на Енисее и без всякого шума создаёт там настоящую сибирскую литературу.

Много ещё славных имён сибирских писателей привести в пример можно и городов сибирских назвать – Омск и Красноярск, Иркутск и Томск, Улан-Удэ и Новокузнецк, Новосибирск и Барнаул – городов, где жива сибирская литература... Потому что нам, в Сибири родившимся и в Сибири сготившимся, сам Бог велел потрудиться во славу сибирской литературы! Да и небесполезно это! Похоже, что наступают времена, когда государству, для поддержания иммунитета от жлобства, понадобится заново вернуть в основные государственные задачи прививку нравственности для граждан...

Литература:

1. Прилепин З.Н. Книгочет: пособие по новейшей литературе с лирическими и саркастическими отступлениями / З. Прилепин. – М.: Астрель, 2012.
2. Шукшин В.М. Нравственность есть Правда // Искусство нравственное и безнравственное / сост. и ред. В. И. Толстых. М.: Искусство, 1969. С. 136-144.

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС В СИБИРИ

Старообрядцы Сибири и Европейской России в творчестве Ф.М. Достоевского

С.С. Бытко

На протяжении нескольких столетий старообрядчество являлось одним из важных факторов, определявших мировоззрение, быт и нравы значительной части российского общества. Русский раскол охватил как деревенские низы, так и представителей медленно зарождавшейся буржуазии. Нет ничего удивительного в том, что феномен староверия нашел широкое отражение в творчестве литераторов XIX – начала XX вв., стремившихся с наибольшей полнотой отразить в своих произведениях жизненные реалии российского центра и провинции.

Примечательными на этом фоне выглядят сочинения Ф.М. Достоевского, нарисовавшего множество старообрядческих «портретов» в крайне непривычном для своей эпохи ключе. Взамен вытеснения староверов на периферию сюжетного повествования, писатель раскрывает на примерах их образов собственное религиозно-философское учение.

Обращаясь к роману «Идиот», мы встречаем любопытные размышления о староверии. По словам князя Мышкина, знакомый ему купец из старообрядцев сказал: «Кто почвы под собой не имеет, тот и Бога не имеет». По мнению Мышкина, именно по этой причине «образованнейшие люди в хлыстовщину даже пускались» [5, с. 546]. Здесь мы можем видеть осмысление раскола представителем образованных кругов населения. Таким образом, Достоевский демонстрирует, что одной из наиболее характерных отличительных черт старообрядчества является глубоко укоренившееся в сознании его последователей «чувство почвы», неотъемлемости своей судьбы от прошлого и будущего родной земли.

Столь глубокая привязанность раскольников к Родине, несомненно, должна была вызывать исключительно положительные оценки Фёдора Михайловича. Таким образом, старообрядцы выступают в приведённом фрагменте произведения как носители истинно русского миропонимания и ставятся в пример современной Достоевскому прозападная интеллигенции, погрязшей в нигилизме, иезуитизме, атеизме [5, с. 546].

Следует также сказать, что отношение писателя и к приверженцам старообрядчества было порой весьма неоднозначным. Так, в «Дневнике писателя» за 1881 год налицо осуждение действий «староверов и доктринеров» 40–50-х гг. [6, с. 494]. В данном фрагменте слово «староверы» используется в качестве речевого оборота, характеризующего наиболее радикальные круги консерваторов-государственников николаевской эпохи. Для разъяснения того, почему именно со старовериём писатель сравнивает чуждый ему «государственный консерватизм», обратимся к опубликованному годом ранее роману «Братья Карамазовы». Несмотря на то, что его текст не содержит каких-либо прямых упоминаний о старообрядцах, мы можем обнаружить безусловное указание на отражение в романе их вероучения.

Так, иеромонах Иосиф в попытках отстоять добрую память почившего отца Зосимы обращается к изложению афонских догматов, которые, по его утверждению, не предполагают нетленности тела для признания покойного праведником, а принимают во внимание лишь цвет его костей. В ответ на своё замечание он сталкивается с резким осуждением: «У нас не менее ихнего святых отцов было. Они там под туркой сидят и всё позабыли. У них и православие давно замутилось, да и колоколов у них нет» [7, с. 371-372]. Данный ответ очень точно повторяет основные положения старообрядческой полемики с официальной иерархией, также отстаивавшей мнение о прерывании церковной преемственности на территории бывшей Византийской империи ввиду турецкого и латинского влияния.

Ещё более примечательно, что столь агрессивное выступление против греческой церкви прозвучало из уст братии монастыря. Общий контекст эпизода позволяет говорить о том, что Ф.М. Достоевский крайне негативно воспринимал развитие подобных тенденций в рамках русского православия. Все попытки «ревнителей подлинной веры» указать на собственную духовную исключительность путем противопоставления себя древним автокефальным церквям оценивается писателем столь же негативно, что и противоположная позиция, предполагающая отказ от собственного национального наследия и прерывание связей с «родной почвой». Таким образом, наблюдается любопытная двойственность в осмыслении автором русского раскола, сочетающая одновременно и восхищение личными качествами староверов, и неприятие их деструктивной, с точки зрения писателя, догматики.

Некоторые разъяснения относительно подобного дуализма в восприятии Фёдора Михайловича дают опубликованные двумя десятилетиями раньше «Записки из мертвого дома». В нескольких значительных фрагментах произведения, описывающего быт каторжников в Сибири, изображается одна из наиболее примечательных групп арестантского населения – староверы. Не раз Достоевский акцентирует внимание на сложность совместного проживания староверов с другими арестантами, ввиду чего первым приходилось держаться отдельно от основного контингента заключенных, общаясь только со своими единоверцами [9, с. 232, 266]. Вот каким образом Достоевский характеризует староверов: «...хитрые мужики, чрезвычайные начетчики и буквоеды и по-своему сильные диалектики; народ надменный, заносчивый, лукавый и нетерпимый в высочайшей степени» [9, с. 239].

Вместе с тем Федор Михайлович выделяет в своём повествовании старика-старообрядца из Стародубья. Будучи, возможно, ещё большим начетчиком, нежели другие, старик отправился в заключение за сожжение единоверческой церкви, обращавшей стародубских староверов в лоно официальной иерархии. Его образ ярко контрастирует с описанием

Достоевским других «ревнителей старины»: «...он уклонялся от споров. Характера был в высшей степени общительного. Он был весел, часто смеялся...» [9, с. 239]. При этом писатель наделяет старика сложной душевной организацией, почему тот находится в постоянной внутренней борьбе, пытаясь сохранить верность своим идеалам и преодолеть тоску по оставленной за стенами острога семье.

Противопоставление старика-старообрядца его единоверцам наилучшим образом показывает отношение Достоевского к феномену староверия. В отличие от большинства церковных и светских исследователей своего времени, разделявших старообрядцев по вероисповедному признаку на поповцев и беспоповцев, писатель в меньшей степени интересуется догматическим противостоянием внутри этого религиозного течения. Главным критерием для разграничения староверов на «ревнителей старой веры» и приверженцев «зловредного раскола» для него становятся личные душевные качества каждого отдельного старообрядца. Особо почитаемая Достоевским привязанность к родной земле, характерная для большинства «старолюбцев», тем не менее, по его мнению, не может оправдать людей, погрязших в чванстве, злобе и нетерпимости.

Наряду с этим, рисуя образ старика-стародубца, Достоевский раскрывает такую значимую для своего мировоззрения категорию, как мученичество: «...дома оставил жену, детей; но с твердостью пошел в ссылку, потому что в ослеплении своем считал её “мукою за веру”», «...у него было своё спасение, свой выход: молитва и идея о мученичестве» [9, с. 238, 438]. Примечательно, что особую тягу к страданиям Фёдор Михайлович приписывает всему русскому расколу. Ещё ранее в произведении упоминается об юродивом арестанте, бросившимся на караульного офицера с заранее приготовленным кирпичом. Умирая, арестант сказал, что «не имел ни на кого зла, а хотел только пострадать». При этом, как специально оговаривается

писатель, обезумевший и зачитавшийся Библии несчастный не принадлежал ни к какой раскольнической секте [9, с. 233].

Упоминания о характерном для староверов мученичестве фрагментарно встречаются в самом, несомненно, выдающемся романе Ф.М. Достоевского – «Преступлении и наказании». В уже упомянутом нами разговоре с Разумихиным пристав Порфирий Петрович выражает свои сомнения относительно виновности Николая Дементьева в приписываемом ему преступлении. В подтверждение этого следователь апеллирует к специфике сектантского мировосприятия: «Это не то чтобы за кого-нибудь, а так просто “пострадать надо”; страдание, значит, принять, а от властей – так тем паче» [10, с. 430]. Следует отметить, тонкость отображения Достоевским такой важной для раскола темы, как противостояние действующей власти. Страдание в данном случае выступает не результатом борьбы с установившейся в мире «властью антихриста», а неотъемлемым атрибутом праведника.

Таким образом, страсть старообрядцев к мученичеству делает их в глазах Ф.М. Достоевского наилучшими выразителями его экзистенциальных идей. Страдательность бытия раскольников ставит их в данном отношении в один ряд с такими светлыми образами, как Соня из «Преступления и наказания», Нелли из «Униженных и оскорбленных», Неточка Незванова из одноименной повести и многими другими невинными, почти детскими персонажами, так характерными для творчества великого писателя.

Примечательно рассмотрение Достоевским староверов в контексте их взаимодействия с сосланными в Сибирь поляками. Обратимся к уже упомянутому нами старику-стародубцу, изображённому Фёдором Михайловичем в «Записках из Мертвого дома». По словам автора, лишь он один из всего каторжного люда общался с поляками и даже смог заслужить их полную любовь и доверие [9, с. 239]. Следует помнить, что и политические заключенные в описании Достоевского, к которым относились и участники

Польского восстания 1830 года, разительно отличались по своему менталитету от большинства обитателей острога. Первые чувствовали своё неоспоримое превосходство над вторыми, поскольку, обладая всеми жизненными благами, добровольно пожертвовали собой ради преобразования известной им реальности. Фёдор Михайлович не преминул заметить, что подобное поведение очень роднит политических арестантов со старообрядцами, осознанно шедшими на мученичество в наивных попытках противостоять неодолимому злу в лице государственных властей.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в представлении Достоевского существовало два образа староверов: один из них – высокомерный и лукавый начетчик, видящий своей целью следовать безмолвной букве закона; второй – добросердечный старик, приверженность которого древней вере проявляется главным образом в преданности своей земле и семье. Остаётся невыясненным, изображал ли Фёдор Михайлович в лице старика Макара из романа «Подросток» и колдуна Мурина из повести «Хозяйка» представителей старообрядчества либо же он видел в них выразителей идей единоверия или же русского сектантства.

Литература:

1. Бытко С.С. Старообрядчество и старообрядцы глазами русских писателей «Серебряного века» // Диалог культур и цивилизаций: материалы XVI всероссийской научной конференции молодых исследователей. Тобольск, 2015. С. 130-133.
2. Бытко С.С. Новые сведения о восприятии старообрядцев в российской литературе (по сочинениям классиков второй половины XIX в.) // Тюменский исторический сборник. Вып. XVII. Тюмень, 2015. С. 325-336.
3. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1873 г. // Собрание сочинений в 15 т. Т. 12. Л.: «Наука», 1994. С. 5–161.

4. Достоевский Ф.М. Вечный муж // Собрание сочинений в 15 т. Т. 8. Л.: «Наука», 1990. С. 5–138.
5. Достоевский Ф.М. Идиот // Собрание сочинений в 15 т. Т. 6. Л.: «Наука», 1989. С. 5–138.
6. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1881 г. // Собрание сочинений в 15 т. Т. 14. Л.: «Наука», 1995. С. 472–513.
7. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Собрание сочинений в 15 т. Т. 9. Л.: «Наука», 1991. 694 с.
8. Михайлов С.С. «Весёлые промыслы» Гуслицкого края // Электронный альманах «Богородское краеведение» [Электронный ресурс]. URL: http://www.bogorodsk-noginsk.ru/starover/34_vesel_prom.html (дата обращения: 03.06.2017).
9. Достоевский Ф.М. Записки из Мёртвого дома // Собрание сочинений в 15 т. Т. 3. Л.: «Наука», 1988. С. 205–482.
10. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Собрание сочинений в 15 т. Т. 5. Л.: «Наука», 1989. 575 с.
11. Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Собрание сочинений в 15 т. Т. 4. Л.: «Наука», 1989. С. 452–551.
12. Бытко С.С. Тургенев и старообрядцы: анализ творческого наследия // Научные труды магистрантов и аспирантов Нижневартковского государственного университета. Вып. 14. Нижневартовск: Изд-во НВГУ, 2017. С. 156-168.
13. Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. 2-е изд., доп. М.: «Книга», 1988. 285 с.

**ЛИТЕРАТУРА СИБИРИ:
ИСТОРИЯ, ПЕРСОНАЛИИ, ТЕКСТЫ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

**В поисках пути
(о романе Д. Овсянникова «Осколки Сампо»)**

Э.И. Контева

О популярности фэнтези уже говорить не приходится: она сама собою разумеется. Достаточно упомянуть, например, что издательство «Эксмо» еще с начала нынешнего века публикует повествовательные серии в этом жанре, в том числе так называемое «этническое фэнтези», к которому, на мой взгляд, близок автор анализируемого произведения.

С одной из особенностей фэнтези читатель сталкивается, открывая книгу Д. Овсянникова, – это карта, на которой изображено мифическое пространство. Однако отмечу, что автор ориентируется на исторически достоверные материалы, в том числе языковые особенности народов, населяющих Карелию или ведущих с ней торговлю. Эта тенденция появилась в литературе фэнтези последних десятилетий и сближает ее с историческим романом. Первые фразы соединяют книгу со сказкой-легендой: «С незапамятных времен между землями викингов и землями венедов стояла деревня Виипури...» [4, с. 5].

Автор сразу определяет сюжетную основу, дабы читатель не занимался долгими поисками, с чего все началось. Завязка романа – в древних мифологических истоках: «В стародавние времена Один даровал конунгу датскому Фроди чудесную мельницу Гротти, которая сама молола любое добро...» [4, с. 9]. Однако, чтобы выяснить, почему роман называется «Осколки Сампо», читателю стоит потрудиться и, по крайней мере, вспомнить или прочитать «Калевалу», поскольку мифопоэтика книги Д. Овсянникова целиком опирается на древнее эпическое сказание. К чести автора следует отметить, что древние легенды, скорее, создают атмосферу, необходимую

рассказчику. Художественный мир, созданный автором, оригинален и полноценен.

Как и положено в эпосе, все главы собираются вокруг главного героя Антеро, рунопевца, отправившегося на поиски таинственного дара богов Вяйнямёйнена и Ильмаринена, чудесного жёрнова хийси. Апелляция к мифу позволяет создать образ связи времени и вечности, космический образ мироздания как живого вечно творящегося целого. Идея творения становится ключевой для всего сюжета, как и идея выбора, определяющая дальнейший ход жизни героев.

Автор разворачивает параллельно несколько сюжетных линий, причем проявляется особенность, характерная для эпической поэмы: события в мире людей разворачиваются в соотнесении с событиями в мире богов. Боги (Вяйнямёйнен и Ильмаринен) противостоят силам разрушения и поддерживают героев, кстати сказать, вовсе не идеализированных, переживших свою тьму и познавших «тёмную сторону своей души».

Роман Д. Овсянникова собирает несколько ключевых историко-литературных традиций: основа его – древние мифы, эпос «Калевала» (о чем сообщает сам автор), вместе с тем роман становится развернутой притчей о человеческом пути и бездорожье, о вере и безверии, о надежде и безнадежности. Иными словами, символизируются герой, сюжет, в целом образная система. Здесь нет характерной для романа эволюции героя, однако фэнтези этого не требуется. Очевидны традиции прозы К.С. Льюиса и Д. Толкиена. Важно, на мой взгляд, что все заданные автором сюжетные линии – главные и второстепенные – полноценно развернуты, нет ничего случайного и лишнего. Текст книги складывается как одно целое. Структура лейтмотивов и кольцевая композиция усиливают единство произведения.

Особо отмечаю поэтику книги: рассказ о путешествии со множеством натуралистических описаний соотносится с песнями и мифами, таким образом автору удается выразить связь времени и Вечности, задать всему

повествованию особый заряд и ритм. Ценности мироздания изображаются как незыблемые законы, которые человеку не под силу изменить, поэтому несколько главных героев могут противостоять злу, наваждению, колдовству благодаря взаимоподдержке, сочувствию, самопожертвованию.

Ключевая метафора – волшебная мельница Сампо – становится символом всего мироздания, единства земли и небес, символом духовной власти и прозрения. Идея вечно творящегося мира сближает книгу Д. Овсянникова с христианской традицией. Вовсе не следует думать, что это – книга о прошлом, это – книга о самом современном настоящем: о необходимости выбора, о необходимости служения высокому. Главный герой Антеро воплощает в себе общечеловеческие качества, подобно герою эпоса или волшебной сказки. Автор не всегда дает читателю возможность проследить за последовательным развитием события, часто он оставляет тайны прошлого без пояснения. Так, мы постепенно узнаем о предыстории героя, также постепенно собирается миф о Сампо. В финале же нет места для тайн, герои прошли свой цикл посвящения в законы мироздания, миф обновился, человечество способно жить дальше именно благодаря обновлению старых истин. «Цель фэнтези – сохранить в современном обществе вечные ценности человеческого существования. Поскольку в основе большинства фэнтезийных миров лежит акт творения (со стороны бога, дьявола, некоего потустороннего сознания или просто автора), то сотворенный единым разумом мир неизбежно имеет единую систему этических координат» [5].

Неслучайно молодые люди часто так зачарованы прозой фэнтези. Здесь можно говорить об эскапизме (бегстве от реальности), свойственном многим подросткам: «Фэнтези строится по законам сверхъестественным, охотно используя магическую атрибутику. Эстетические символы фэнтези – меч, заклинание, логово мага, путешествие героя» [1]. Феномен эскапизма в жанре фэнтези осмысляет В. Губайловский: «Когда и почему люди перестают

интересоваться окружающей их жизнью и устремляются в сказочный мир? Когда они эту жизнь не понимают и боятся ее, как чего-то незнакомого и чужого. Мир фэнтези насквозь понятен и ясен, потому что замкнут и исчерпаем. Это – мир формальной свободы» [2].

Думаю, что хорошо написанная книга, особенно книга для юношества, вбирает в себя диалектику размышлений о мире и человеке, о двойственности и необходимости выбора. Подобная литература всегда возвращает в бытие, укрепляет душевные силы, помогает различить то, благодаря чему жизнь продолжается, – доброту, надежду, искренность. Это жизнеутверждающее начало в книге Д. Овсянникова чрезвычайно сильно, поэтому кровожадный Варкас, не способный ценить душевные качества, принимая их за слабость, умирает в своей жестокой схватке с жизнью; потерявший любовь Антеро возвращается к ней, отправляясь в путешествие с верой и надеждой на обретение тайны жизни. «Ныне священное Сампо вернулось на круги своя: морское – в море, земное – в почву, небесное – к звёздам! Бросьте сражаться, ибо делить вам нечего! – призывает голос Вяйнямёйнена. – ... Мир создан для многих, и сокровища его – тоже!» (с. 299). К старым истинам следует возвращаться: «Миф врачует старые раны детства» (с. 158).

«Как ни печально, все мы видим, что лишь нежизненные добродетели в силах спасти наш род...», – пишет К.С. Льюис (с. 11). В этом смысле Д. Овсянников продолжает традицию высокого фэнтези в своей книге, где жизненные ценности читатель ищет вместе с героями, а магия и фантастика не только развивают воображение, но возвращают к космическому единству, не зависящему от времени, возраста, дидактических правил. Это и есть истинное бытие, ощущение которого формирует в читателе чувство реальности душевной и духовной, что, может быть, в наше время гораздо важнее физического ощущения материальной жизни.

Литература:

1. Березин В. Фэнтези // Октябрь. – 2001. – № 6 [Электронный ресурс].
URL: <http://magazines.russ.ru/october/2001/6/ber.html> (дата обращения 05.10.17).
2. Губайловский В. Обоснование счастья (о природе фэнтези и первооткрывателе жанра) // Новый мир. – 2002. – № 3 [Электронный ресурс].
URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/3/gub.html (дата обращения: 05.10.17).
3. Льюис К.С. Эссе. – Тюмень: «Русская неделя», 2016. – 200 с.
4. Овсянников Д. Осколки Сампо. – Омск: Издательство «Амфора», 2016. – 316 с.
5. Строева К. Тупики и выходы // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 71 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/71/str28.html> (дата обращения: 01.10.17).

Дар жить и дар писать, или Нетерпение сердца Альбины Соляник

В.М. Физиков

«...И всё-таки узнают голос мой,
И всё-таки ему опять поверят».

Анна Ахматова

Я совсем не знал Альбину Ильиничну Соляник. Несколько раз «шапочно» встречался, не будучи даже ей представлен. Получил на память две последние книги стихов, в которых она написала в качестве дарственного «привета»: «Г-ну Физикову с уважением от автора». Словно оберегала официальной нейтральностью обращения свой внутренний мир от бесцеремонного вторжения в него или, возможно, втайне слегка иронизируя и на всякий случай защищаясь. Какие уж мы господа?..

Многие её стихи уже при ознакомительном чтении чем-то читательски «зацепили» меня. Когда же спустя годы я вернулся к ним, первого, эмоционального впечатления было уже поменьше, но желание их обдумать и написать об Альбине Соляник не ушло. Захотелось больше узнать о ней как о личности, о «внутреннем человеке», понять, если получится, «Божий замысел о ней», как сказал бы русский философ Николай Бердяев. «Божий замысел» – это человеческая совесть, которая живёт в каждом из нас, вот только один человек старается её заглушить, а другой не перестаёт к ней прислушиваться» (Кирилл Померанцев).

Дар жить

На обложке книги стихов «Мгновений свет» Альбины Ильиничны Соляник её поздний портрет. Не улыбочивый и беспечный, молодой, как на других книжках, а сосредоточенно-глубокий, со сдержанной улыбкой благородного, скорбного лица. Нельзя не почувствовать его магнетической, одухотворённой силы.

Родилась Альбина Соляник в селе Чоя, на Алтае, в 1946 г. Окончила

Томский медицинский институт. Врач-фармаколог и специалист по переливанию крови с мужем-военнослужащим работала в госпиталях Дальнего Востока, Сибири, Москвы, Венгрии, Киргизии. В последние годы преподавала латинский язык в медицинском колледже Омска.

Много испытала и пережила эта красивая и хрупкая, но сильная женщина: долгие годы тяжёлой болезни, мучительное лечение туберкулёза, который оказался всё же сильнее, бесчисленные переезды с мужем и детьми по гарнизонам, трагический опыт чеченской войны и самоотверженной службы спасения раненых мальчиков в мясорубке бойни и смерти. Романтическая натура, она не смогла простить любимому человеку измены, хотя потом, возможно, жалела о своём ригоризме, ценила позднее благородство мужа и добрые с ним отношения и то, как он помогал ей поднимать детей, как выручил с квартирой. Пусть скромным было это жильё на первом этаже, недалеко от вокзала, но своё, с книжным стеллажом-стеной до самого потолка. И радовали её дети, ставшие взрослыми, самостоятельными. Они состоялись в нашей непростой жизни, понимали мать, а сын опекал житейски и держал её под своим крылом. А она торопилась жить, зная, что ей не так уж много отпущено лет, и спешила утолить «голод жизни», «нетерпение сердца», как напишет она в стихах:

Нетерпение сердца – что это?
 Ожидание поздней весны,
 Как обилия воздуха, света,
 Ароматов сирени. Сильны
 Обострённые чувства и голод
 На тепло и на ласку, на жизнь.
 Даже если не очень-то молод,
 Ты за облако взглядом держись...

Она всегда тянулась и к красоте, исповедуя вслед за Достоевским романтическую мысль: красота спасёт мир! Старалась быть элегантной,

женственной, стильной. И сильной. Всерьёз интересовалась музыкой, живописью, направлениями и стилями мирового искусства. Много читала и начинала не со стихов, а со статей и очерков об омских художниках, с которыми дружила, любила бывать в их мастерских, на вернисажах. С годами собралась целая книга работ о мастерах живописи, опубликованных Альбиной Соляник в газетах, альманахах «Иртыш», «Литературный Омск». Книга «Сибирский миф» была создана в 1998-2005 годах, но так и не была издана.

В это же короткое время творчества у неё стали выходить в Омске небольшие по объёму книжки стихов, не очень профессионально отредактированные. Торопилась. – «Музыка дождя», 1997. – «Тоска по огню», 1998. – «Ещё не осень», 2001. – «Колдуют над Россией снегопады», 2002. – «В лабиринтах памяти моей», 2004. – Книга избранных стихотворений в серии «Библиотека омской лирики»: «Беловодье – родина весны», 2008. – и последняя книга «Мгновений свет», 2010. А в 2012 году её не стало.

Так сложилась жизненная и литературная судьба А. И. Соляник. Ей было о чём незаёмно сказать нам в слове. И даром Бог её наделил. Живопись и поэзия как бы открывали мир заново. А поэт и художник, как вспоминает Татьяна Четверикова, для неопита в искусстве неизменно были высокими понятиями. Но Альбина Соляник поздновато пришла в литературу и в искренности первооткрывателя возможностей поэзии, очевидно, успела подняться к стихийному вызреванию своего профессионализма. Советы мастеров, конечно, помогали, но искусства научиться писать стихи, как известно, не существует.

Личность и творчество

По замечанию критика Михаила Цетлина, «часто писатель отдаёт всё лучшее литературе. Тогда его произведения кажутся более значительными, чем его живая личность». И в первую очередь так можно говорить о поэтах. Но у А. И. Соляник соотношение творчества и личности было обратное. Быть может, я ошибусь, если скажу: как человек, сложившаяся личность, она была

крупнее, значительнее того, что успела поэтически воплотить из разнообразного, а часто и драматического опыта жизни.

Любимые темы её искренних, доверительных стихов – всё лично пережитое. Так, характерно, что тема Родины, большой России в ранних стихотворениях живёт в романтическом ореоле воспоминаний и готовых формул-клише.

«Жизнь – это путь-дорога от порога// Всё в гору, в гору...» «Влечёт далёких предков память. //И страх, и тайны дней минувших...». Отметим также, что лишь в пору ранних текстов Соляник пишет о «благодатном лете». Но очень скоро пришло иное время – признаний в любви-сострадании к Родине и «её горькой, «вечной осени». Россия Альбины Соляник – это печаль о минувшем, о накопившемся горе. Это память о кандалной Владимирке, обессиленной утратами белой гвардии, о трагической судьбе родного деда, «вечного солдата» гражданской войны и «артельщика» трагической коллективизации. Это драма русской эмиграции и современной России, потерявшей себя взамен на «мнимую свободу» памятных девяностых...

...В дремотном покое сочувственно внемлют
земле небеса. И лесам, и полям, и
уставшим дорогам, и путникам нищим,
что в сизом тумане совсем одиноки,
бредут в никуда и, не видя дороги,
бредут по России без сна и без пищи.

Значительно больше написано Альбиной Соляник о малой родине, любимом горном Алтае. Оно и понятно: самые яркие и счастливые воспоминания – детства и юности. Преобладают зрительно-пластические и звуковые образы взрывной, шумливой Катуня, тихого голоса дождей.

В мире природы, чаще осенней, увядающей, прощальной, поэтесса слышит отзвук переживаемому. Её душа находится с ним в состоянии расставания, а в золотых днях листопада поэтическое переживание тревожит

печаль листьев: они «словно птицы бьются оземь...». И ещё одно глубокое, символическое и неожиданно сопряжённое с золотом осенней листвы впечатление от одинокой девочки на шаре передаёт контрапунктом элегическое мироощущение поэтессы:

... Одна на пляже девочка на шаре
 тростинкой балансирует. Взгляни,
 какое чудо – девочка и осень.
 Мяч голубой на золотом песке,
 как шар земной, в осеннем безголосье.
 И жизни миг висит на волоске.

Романтически соотнося приметы внешнего мира и внутреннее состояние лирической героини, Альбина Соляник настойчиво побуждает читателя почувствовать в шуме и скрипе сосен, в надрывном крике речных чаек тревогу, печальный голос прощания, «словно песня Эвридики, // зов любви из Зазеркалья»... И ты понимаешь автора: «признак осени печальной, // отзвук музыки венчальной». Так и «в осеннем безголосье<...> жизни миг висит на волоске». «Зимних» стихотворений с традиционным для русской поэзии мотивом милого с малых лет белого снега у Соляник практически нет совсем. И удивительно для сибирячки, что в зимнем пейзаже у неё появляются мотивы тревоги, опасности и даже смерти.

«... Живу, чтобы любить»

Так назван автором программный и, наверное, самый важный для неё раздел последней книги стихов «Мгновений свет». Стихи о любви, и спустя годы памятные для её читателей, при всей сдержанности и недосказанности, содержат разнообразие многих граней глубокого, щемящего переживания. В нём и память о самоотверженной маминой любви, и лелеющее душу повзрослевшей дочери тепло родного дома, и грёзы о гениальных художниках, и «голод на ласку, на жизнь» («...И был закат.//Тепло алели...»), «Импрессион», «Нетерпение сердца»).

Но любовь женщины – это и тревога, боль, это «храм на моей крови»: «твою любовь, как воз, везу я...». Разлад в семье и молчащие стены общего дома, ненависть и огонь войны в крови. Её любовь узнала и внезапное предательство, оставленность, одиночество. Альбина Соляник думает даже о демонической природе любви – как о неистовстве природы и искушении («Демон»), о трагической антиномии любви к собратьям в сократовском варианте («Сократ»). Но в этом «мучительном качании маятника в сердце» (по слову Иннокентия Анненского о стихах Зинаиды Гиппиус) «на кончике пера» Альбины Соляник не укор любимому человеку, не сожаление за «нескончаемые ошибки» и безвозвратность потерь. Но – «синдром мучительной вины. / За то, что вышла так легко я/ из ситуации войны». Замечательная черта сильного характера, бескорыстности именно женской любви, благодарной за былое счастье...

...В клетку шарф мелькнёт в аллее,
Хриплый голос кликнет пса.
От волненья обомлею:
«Боже! Что за чудеса...
Будто годы вспять метнулись.
Рядом ты? Не может быть...»
Ощущения вернулись.
Не стереть и не забыть...
.....
Нежность – прошлому в ответ.
Всё прошло, и слава Богу.
А в душе остался свет...

Да, в её жизни и поздних стихах много печали, одиночества. Не в этом ли тайна обаяния негромкой поэзии Альбины Ильиничны Соляник? Понятно также, почему её сострадание так задела боль гражданской войны в Чечне, почему так «безрассудно» она отправилась туда «сестрой милосердия». Боль

поэтессы живёт то в фольклорных заплачках, то в ритмах разорванных строчек, то в горестных ласковых словах о мальчиках – они лежат рядышком на белом снегу. Или вдруг чувствуешь в стихах сибирской поэтессы прапамять и родство с известным кавказским стихотворением Лермонтова «Сон» («Цепочку гор позолотил рассвет...»). И веришь безусловно, что драматические воспоминания-баллады Альбины Соляник о чеченской войне — памятные раны сердца не только девятнадцатилетних...

Тема высокого творчества, рождённого, «как жизнь, в страданиях и муках, / из первозданности стихий», приходит к поэтессе в качестве антитезы пре-ходящему и банальному особенно значимого из сочинённого в самых поздних произведениях. Таким программным стихотворением заканчивает автор книгу 2010 г. «Мгновений свет». А в афоризмах совсем короткого текста «К Ницше», где голос поэтессы сливается с сознанием её героя, автор выделяет в качестве нравственной поддержки и опоры мысль-антитезу:

...Есть жизнь и смерть.

А творчество — спасенье.

И не поэт в бессмертие зачислен,

Но созданное им стихотворенье.

В стихах 90-х годов А. Соляник изредка мы находим романтические грёзы о художниках-гениях, небожителях: «Врубель», «Мне Пушкин снился...» – как удачную попытку приобщиться к давней отечественной традиции создания живого образа «своего Пушкина». Позднее поэтесса решает в избранной теме задачи уже более серьёзные, переключаясь из мира романтически субъективного в мир объективный, другого сознания и творчества. Так, её волнует судьба Данте, изгнанного навечно из родной Флоренции, или провинциальная Франция Ван Гога. Ей хочется уловить живое чувство в чуждых речах Сафо, философские идеи Фридриха Ницше.

Многое пережив и передумав, Альбина Соляник сумела создать достаточно цельный мир своей лирической героини. У неё нелёгкая судьба

одинокого человека, знающего горе и боль страдания, тоску и сердечную смуту, предательство любимого, «горькую прозу жизни» и трагедию современной гражданской войны. Оттого так «грустны и печальны её песнопенья», так устойчиво элегическое начало, так дорога память об отчем доме, тихом алтайском селе и тепле матери.

Дар писать

Поэтический дар Альбины Соляник находился в стадии плодотворного становления, и автору не всегда удавалось достигнуть целостности содержания и формы. Немало её стихотворений не стало искусством, либо не избежав вторичности или искушения красотой, не освоив богатства возможностей слова, звукообраза или слишком впрямую представляя авторскую позицию.

И тем не менее в поэтике стиха сибирской поэтессы художественно значимы многие приёмы. Например, содержательна пластика слова и многих текстов, привлекающих точностью наблюдений, неожиданностью преображающего отклика в душе автора.

М а м е

Отчего так легко, и на взлёте душа,
 Будто кто ей небесные дарит одежды.
 Просто утренний свет и природа свежа.
 А заря на востоке алеет надеждой.
 Словно диск золотой, солнце скоро скользит,
 Над холмом обозначившись боком покатым.
 Как старинное золото, тускло блестит
 В окнах старых домов и коттеджей богатых.
 Свет в берёзовой роще пронзает листву
 И румянит стволы белокорых красавиц.
 Бестелесные зайчики в травы зовут,
 Исполняя мерцательный солнечный танец.

В этот утренний час, как когда-то давно,
 Возрождаюсь, светлею, душой молодея.
 Мне рождением многое было дано,
 И за то, что сбылось, благодарна тебе я.

Из пластики чуткого поэтического зрения здесь рождается высокое состояние души, одухотворяющей знакомые каждому из нас состояния природы. И ты понимаешь, как важно в поэте глубокое слово об окружающем тебя мире, внимание к деталям и подробностям («Ночь. Стога», «Сгорает август рыжей чёлкой», «Город в утреннем тумане...»). Сознаёшь и то, как непросто умение лаконично передать динамику явлений, высветлить красотой и гармонией мира природы задушевное тепло быта и любимого человека.

Интересен способ создания стихотворения «Икона». Образ в нём рождается на пересечении пластического изображения и зыбкого, сложного состояния души лирической героини. Отрицая, отсекая «лишний материал», автор идёт к обретению светлого покоя, преображающей веры, лежащей в основе всего мировидения и национального характера:

И к о н а

России свет — осенний свет.
 Сиянье золота и сини.
 Струится через толщу лет
 Печаль иконописных линий
 В текучей плавности одежд.
 В лазурных складках покрывала
 Есть тайный смысл – судьбы, надежд
 И веры, что народ спасала.
 И не страдания печать.
 Не скорбь вселенская во взоре,
 Но осень – светлая печаль.
 В ней догорающие зори

Дня золотого, листопад,
 Предощущение покоя.
 Не умиранье, не распад –
 Преображение земное.

Чаще всего уравновесить дар жить и дар писать Альбине Соляник удавалось в своеобразии ритмических решений и образов. Так, в экспрессии вольных стихов выражена и сдержанная радость лирической героини, и горечь безнадежности, и боль существования лирических персонажей в разных мирах, и ещё многое, что напряжённо волнует, но не поддаётся точности обозначения посредством только слова:

* * *

Живу отшельницей, не в терему,
 Под оком ворона.
 В хрущёвской горнице глотаю тьму
 Ночного города.
 Сама я ночь и лунный свет,
 И одиночество.
 Тобой любимой столько лет
 Мне быть не хочется.

Нередко, используя возможности графического образа, Соляник рвёт поэтическую строку надвое или опускает дополнительной паузой одно слово от целой строчки и этим усиливает экспрессивность звучания текста, передавая волнение лирической героини, и мы до последнего стиха остаёмся во власти ритмических и звуковых образов автора (« Был грозным июль...»)

Удачно, хотя тоже нечасто, поэтесса применяет гиперметрическую систему стиха, когда в пределах одного текста обращается и к амфибрахию, и к дактилю, неоднократно к дольникам, вольным стихам и в сочетании с изящной ненавязчивостью звукописи достигает свободы переменчивой формы, не знающей ограничений в жёсткости единой ритмической схемы:

Последние в марте метели
 Отпели в глухую ночь.
 В синий просвет улетели
 Прочь.
 Ступаю по хрусткому насту,
 Звонко ломая лёд.
 Ну, говорю, здравствуй,
 Лесной народ...

Содержательность так называемых переносов, несмотря на частоту их употребления в отечественной лирике, остаётся во многом загадкой, но поэты, в том числе и омские, обращаются к ним довольно часто. Альбина Соляник не была исключением. Так, в стихотворении «Ночь коротка в горах, на пике лета...» многочисленные переносы «приспосабливают» прозаизацию стиха для того, чтобы передать атмосферу дружеского общения в лесу, у ночного костра. А в балладах «Памяти деда» и «Владимирка» переносы сближают стихотворную речь с эпическим повествованием.

Магия стиха

В некоторых текстах Альбины Соляник я чувствую некую магию стихов, которую Надежда Тэффи когда-то метко называла радиоактивностью. Откуда она? В чём её обаяние и сила? Иногда это трудно, даже невозможно объяснить, а иной раз тебя обжигает какое-то слово, строка, неожиданный образ... И для меня это признак талантливости или по крайней мере дарования автора.

В последней книге стихов А. Соляник «Мгновений свет» (2010 г.) есть небольшой цикл «Октябрь», состоящий из двух стихотворений. Вот из него – текст второй, заключающий всё произведение:

На всём уныния печать.
 Октябрь, грустный и слезливый,
 Льёт журавлиную печаль

На отдыхающие нивы.
 Лежит на ржавчине листвы
 Июля солнечного память.
 И, словно жёлтый глаз совы,
 Блеснёт в коре древесной камедь.
 Ещё хранят в себе тепло
 Осенние цветы на клумбах.
 И, несмотря на дождь, светло
 От мраморных скульптур на тумбах.
 В осеннем парке городском,
 Где всё прозрачнее аллеи,
 Лишь кошка бродит босиком.
 И мне от этого теплее.

Удивительно цельное в своём единстве тона стихотворение, очень музыкальное по звуку, выдержанное почти до конца в элегическом настроении, характерном для русского романтизма начала XIX в. Может быть, поэтому от него не ждёшь какого-то открытия, чего-то неожиданного, своего, оригинального. Но в последних строках, после столь знакомых элегических формул, ставших давно клишированными: уныния печать, отдыхающие нивы, журавлиная печаль, на ржавчине листвы — вдруг слышишь неповторимо авторский голос в её метафоре и сопереживании:

В осеннем парке городском,
 Где всё прозрачнее аллеи,
 Лишь кошка бродит босиком.
 И мне становится теплее.

Как известно, поэзия, литература не ограничиваются логичным, ближайшим соотнесением явлений, а стремятся обнаружить более отдалённые, неожиданные связи и соответствия, и это требует от поэта пронизательности, смелости и такта, чтобы избежать произвольности и

фальши.

Научиться этому нельзя и нарочно придумать невозможно. Это и есть магия, дар. И тут не просто поэтический приём, названный кем-то эффектом последних строчек, хотя и его Альбина Соляник знала и нередко использовала: «Сводки чеченских событий...», «В пузатом фужере на тоненькой ножке...», «Гроза в горах», «Улеглись былые страсти, не штормит...».

И ещё один пример лирической магии поэтессы. Кажется таким непритязательным сюжет позднего стихотворения Соляник «Шиповник». В чём же его потаённая привлекательность?

Ш и п о в н и к

Зацвёл шиповник в сентябре
 Цветами белыми.
 Дар увядающей поре,
 Попытка смелая –
 Вернуть весну в холодный край,
 Продлить мгновение
 Тепла и света по утрам,
 Весны цветения.
 Губами пробую росу
 Весенней свежести.
 И наполняюсь, как сосуд,
 Сама я нежностью.
 Но поделиться мне не жаль
 Минутной радостью.
 Развеять горькую печаль
 Душевной благостью.
 – Прохожий, глянь и улыбнись
 Забавам осени.
 Цветы шиповника на кисть

Рябины бросила

Осень...

Как всё здесь просто и скромно. И ничего лишнего в движении удивившего автора мотива. Запоздало-осеннее цветение шиповника – как дар суровой, холодной Сибири. И этот неожиданный подарок рождает в душе лирической героини нежный отзвук, как ответ человека на доброе отношение мира. Кажется, на этом мог бы и окончиться сюжет стихотворения. Но нет – словно реакция тепла одно добро тут же рождает другое. Всё так просто и даже естественно. Однако, если вдуматься, этот мотив узнаваем потому, что близок нашим нравственным отечественным корням. Но не только во внешнем, сюжетном движении композиции стихотворения его обаяние. Смысл стихов неотделим от настойчивой однострунной музыки печали, растворённой в природе избранного автором ритма, последовательного чередования 4-х и 3-х стопных ямбов, где последняя стопа всегда лишена ударения и чётные строки как бы «оппадают», утишают интонацию, сообщая ей скрытую элегичность. И в таком ритмическом контексте столь характерны для этого стихотворения завершающие строки, содержащие два переноса и оборванный, ставший вдруг горькой прозой последний стих...

* * *

Хочется верить: печаль Альбины Соляник не меня одного ещё кольнёт тихой прелестью и болью.

Пережита, переплавлена в чутьё

Нескончаемых ошибок пора.

Всё, что в прошлом, не моё и ничьё,

Сгусток времени

На кончике пера.

Творческий феномен произведения А.Н. Радищева «Ангел тьмы»

В.Н. Демешко

Произведение «Ангел тьмы» выдающегося российского просветителя, писателя, поэта, учёного А.Н. Радищева (1749–1802) занимает особое место в его творчестве. Впервые оно было напечатано в четвёртом томе «Собрания оставшихся сочинений покойного А.Н. Радищева» в 1811 году [5, с. 387]. Рукопись, по которой осуществлялось издание, не сохранилась и дата написания осталась неизвестной. Однако в издании было приведено указание на то, что «Ангел тьмы» представляет собой отрывок из поэмы «Ермак», которую Радищев задумал написать в Сибири. Возможно, указание «Ангела тьмы» на принадлежность к будущей поэме, сделали со слов сыновей Радищева, которые видели эту пометку в его рукописи или знали о его замыслах. Но на вопрос о том, что «Ангел тьмы» - это набросок к поэме (повести) о «Ермаке», документально ответить невозможно [5, с. 387]. Сын Радищева Николай Александрович в биографическом очерке упоминает, что в ссылке его отец писал «Историю покорения Сибири» и историческую повесть «Ермак», «но ни того, ни другого сочинения не кончил, а последнего остались небольшие отрывки» [8, с. 44].

Сохранившийся фрагмент не даёт нам полной картины творческого замысла автора. Раскрываемый читателю сюжет произведения заключается в описании мрачного образа «ангела тьмы», сконцентрировавшего в себе все человеческие пороки, взлетающего на вершину Уральских гор, и выступающего в качестве некой геологической силы исполинских масштабов, до неузнаваемости преобразующей лик земли:

«Острые верхи гор обнажились и покрылись ледяного корою на веки. Кремнистые гор сердца встречали под тяжкою его пятою, разверзлись и необъятные в недрах сотворили хляби. И се стихии, ощутив пустоту и пространство, внезапно стремятся на равновесие. Легчайшая из стихий огонь,

возвиваясь от среды земная, летит вихрящаяся к её поверхности, разъярённая в полёте облаком, которой он пожирает, горя. Тяжкая из стихий вода, расторгнув состав земли и пресытившись её растворами, катится отягчённая от лица обиталища животных и разверстый зев. Встречаются ненавидящиеся взаимно сии вещественности начала, но духом жизни в составе её укрощаемые, встречаются и паче древних исполинов, устремляются одна на другую, не яко сложенные тела ударяемые, но проницая одна другую во внутренности своей растворяемы, ботеют, множатся. Уже каждая капля воды, уже малейшая искра возрастают тмократно, расширяются и тесны окружить неизмеримые недра земноводного, упирают в них, жмут, возносят, разметают и, не находя ни укротительных прохладности, ни места на растяжение, колеблют всю внутренность земную, свергают горы, изглаживают долины, отверзают хляби и пропасти и в бешенстве своём грозят природе, являя ей разрушение» [5, с. 167].

Величественной панорамой в воображении читателя предстают картины природных стихий: древнего океана, излияния лавы из жерл гигантских вулканов, серебящиеся вечными льдами вершины громадных гор, сминаемые вследствие несокрушимых, и одновременно взаимоуничтожающихся сил воды и огня. И возникает вопрос: не является ли это попыткой в столь оригинальной форме воспроизвести геологическую историю происхождения Сибири?

Данное произведение – это, несомненно, феномен отечественной литературы. Конечно, есть примеры писателей-геологов (В.А. Обручева, И.А. Ефремова, О.М. Куваева, Е.А. Городецкого и других), органично вплетающих геолого-минералогические знания в канву художественного сюжета. Но никто из них не сумел столь поэтично воспеть противоборство эндогенных (внутренних) и экзогенных (внешних) геологических сил. Подобный аналог в мировой литературе – это, пожалуй, лишь финал романа Ж. Верна «Таинственный остров» – момент, когда в жерло вулкана хлынули

океанические воды. Однако здесь автор как бы признаётся в бессилии, беспомощности художественного отражения происходящего:

«Шла битва воды и огня! Какое зрелище! Чьё перо могло бы описать эту чудесную и страшную битву? Чья кисть могла бы её нарисовать?» [1, с. 605-606]. Иное дело – Радищев. Отметим так же, что векторы противоборства стихий у обоих авторов друг другу прямо противоположны. Если у Ж. Верна это фатальное разрушение, стирание сущего с лица земли, то у Радищева это – первый акт созидания «нового обличья», того, что позднее будет «укрощаемо духом жизни».

Радищев и раньше включал геологическую тематику в своё повествование: «... свирепая стихия, огонь, проникнув в недра земные и встретив противоборствующую себе влагу, ярьась, мутила, трясла, валила и метала все, что ей упорствовать тщилось своим противодействием...» [7, с. 243].

Источником его вдохновения выступает интерес к геолого-минералогическим наукам. Так, в письме А.Р. Воронцову из Илимска от 24 марта 1792 года он высказывает просьбу прислать ему «с оказией описание Урала (минералогическое описание Уральских гор» [6, с. 435]. В примечаниях к изданию сказано, что, скорее всего, речь идёт о книге И.Ф. Германа «Опыт минералогического описания уральских рудных гор» [6, с. 637].

Специалистами было обнаружено, что художественная манера «Ангела тьмы», восходит к творчеству Д. Мильтона с его знаменитой поэмой «Потерянный Рай». Радищев был хорошо знаком с этим произведением, читал его на английском языке, и в «Путешествии из Петербурга в Москву» дважды упоминал Мильтона в качестве одного из величайших писателей человечества [5, с. 387]. Титанические образы, космический пейзаж этого отрывка очень близко напоминают поэму Мильтона, местами почти совпадая с нею [5, с. 389]. В качестве наглядного представления этого утверждения, приведём

сопоставление отрывка из поэмы «Потерянный Рай» в двух переводах (прозаическом и поэтическом) с аналогичным местом у Радищева:

Таблица соотнесения строк из поэмы Д. Мильтона «Потерянный Рай» и произведения А.Н. Радищева «Ангел тьмы»

Мильтон (прозаический перевод А. Серебренникова) [5, с. 389]	Мильтон (поэтический перевод А. Штейнберга) [3, с. 25]	Радищев [5, с. 167]
«... Озирается повсюду пламенными очами. В мрачных его взорах видимы печаль, смущение, гордость, ненависть»	«... Он теперь обвёл Угрюмыми зеницами вокруг; Таились в них и ненависть и страх, И гордость, и безмерная тоска»	«... Развесистые брови закрывают сверкающие очи, на коих обитает лесть, неистовство, обман, исступление, лжесмехи, коварство и ярость; изрыгающие, егда вещает, ложь, смерть и проклятие...»

Если «Ангела тьмы» Радищев действительно написал в Сибири, то ещё одним источником вдохновения автора выступало само величие сибирской природы. Восхищённый «мощью Сибири», Радищев, по воспоминаниям сына Петра Александровича, «летом ... ходил с ружьём по лесам и горам, окружающим Илимск. Ездил на лодке вверх и вниз по Илиму, а зимою на санях в разные стороны ...» [8, с. 76].

В письме от 22 ноября 1794 года из Илимска Радищев восторгается Сибирью: «Я не могу описать своей радости, когда, добравшись до окрестностей Тунгуски я мог вдоволь созерцать горы, называемые первозданными...; поднимаясь на эти громады, я переносился воображением в отдалённые времена, когда голая и бесплодная земля являла собой лишь страшное обиталище и огромную пустыню, или, переносясь в позднейшие времена, мне казалось, что я вижу, как природа, медленная в своём поступательном движении, собрав все силы, сметает с поверхности земного шара всё явно устаревшее, и, сотрясая глубинные слои, земли, представляет её

в совершенно новом облики. Какое широкое поле для догадок, и мне кажется, что мы ещё далеко не исчерпали все возможные предположения относительно образования нашей планеты и произошедших в ней перемен» [6, с. 467]. Это взгляд не просто просвещённого человека, но учёного, мысленно выстраивающего причинно-следственные связи наблюдаемых им природных объектов, и, несомненно, вдохновляющий на творчество.

Обратим внимание, что Радищев прямо указывает на Уральские горы, как на место происходящего действия [5, с. 167]. В этом нет ничего удивительного. ведь именно с Урала начинается знаменитый поход атамана Ермака и его товарищей. И именно на Урале, в Кунгуре, вероятней всего, у Радищева и возникла идея написания поэмы [9, с.103-104].

А.Г. Татаринцев, рассуждая о том, с какой целью Радищев вёл свои дневники, выдвигает предположение, что «Записки» и «Дневник» представляли собой впрок заготовленный материал для многих творческих замыслов...» [9, с. 211]. И замысел этот: «посвятить этой «стране», её природе особый труд. В него-то и должны были войти обстоятельные пейзажные описания. «Сокращённое повествование о приобретении Сибири», поэма «Ермак» были, по-видимому, лишь подступом к этому большому замыслу. Они не были закончены, может быть, потому, что необходимые материалы находились в ... ящиках (впоследствии затерянных) с бумагами и книгами, которые Радищев отвёз в Иркутск в январе 1797 г., после известия об освобождении из имимской ссылки... Если бы мы располагали их содержанием... то круг проблем, волновавших Радищева в Сибири и по возвращении оттуда, можно было бы определить значительно точнее... [9, с. 245-246].

Интересное мнение мы находим у современного биографа А.Н. Радищева – О.И. Елисейевой. Она пишет, что в представлениях Радищева «Сибирь... походила на «обе Индии», а местные народы – на жителей «знойных берегов Сенегала» [2, с. 247]. И далее отмечает, что Радищев в

«Сокровенном повествовании...» подчёркивает, что Ермак после покорения Сибири направляет Ивану Грозному «отписку» - то есть письмо. А это расходится с историческими представлениями об этом факте, поскольку в реальности в Москву с Иваном Кольцо была направлена «челоб итная»... Благодаря равноправному посольству казаки заключили с царём равноправный же договор, который в любой момент может быть расторгнут. Последнего Радищев не проговаривал, но этот вывод следовал из текста» [2, с. 248].

Но реализовать задуманное не успел:

Воздохну, что нет уж силы,

О, Ермак, душа велика.

Петь дела твои! [4, с. 31-32].

Таким образом, уникальность произведения Радищева «Ангел тьмы» нам представляется по следующим причинам:

1. Отсутствием ответа на вопрос – является ли этот отрывок частью задуманного произведения о Ермаке?

2. Использованием художественного образа противоборства геологических стихий огня и воды для формирования представлений у читателя о возникновении Урала и Сибири.

3. Вероятным использованием этого отрывка, наряду с дневниками и мыслями, изложенными в письмах А.Р. Воронцову, для большого замысла нового публицистического произведении, аналогичного «Путешествию из Петербурга в Москву», в котором Радищев собирался раскрыть в художественной форме и возникновение Сибири, и поход Ермака и свои взгляды на роль Сибири «в судьбах мира».

4.

Литература:

1. Верн Ж. Собрание сочинений в 12 томах. Том 5. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. 656 с.

2. Елисеева О.И. Радищев. М.: Молодая гвардия, 2015. 344 с.
3. Мильтон Д. Потерянный Рай. – М.: Художественная литература, 1982. – 414 с.
4. Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. Том первый. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1938. 503 с.
5. Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. Том второй. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1941. 432 с.
6. Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. Том третий. М.-Л., Издательство Академии Наук СССР, 1952. 676 с.
7. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. – М.: Детская литература, 1975. 270 с.
8. Биография А.Н. Радищева, написанная его сыновьями. – М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1959. 132 с.
9. Татаринцев А.Г. Радищев в Сибири. М.: Современник, 1977. 269 с.

«Океан монотонности» поэта Илмира Колдашева*А.А. Тихонов*

Поэт Илмир Колдашев – человек неординарный. Он родился в городе Андижан Узбекской ССР, а с юности живёт в городе Таре Омской области. В нём соседствует знание культуры русских, татар и народов Средней Азии, что привнесло по-восточному яркие, порой парадоксальные образы и особое мироощущение.

Он пишет о своём поколении, тонущем «в океане монотонности», о не ценящих жизнь людях и об окружающем мире, в котором, напротив, каждый листок борется за существование с надвигающейся зимой. Но главенствующая тема, проходящая красной нитью через всё творчество поэта – тема расставания. Она звучит в его стихах ясно и горько.

Наиболее тяжелым в любовной лирике Колдашева представляется ночное время. Поэт признаётся, что его лирический герой задыхается «в объятьях ночи». Ночь представляется временем лживым и неискренним, когда разум затуманивается бессонницей, поэта захлёстывают воспоминания и главенствуют предрассудки:

«И обнажив свою нелепость,
Свои обиды, зло и боль,
Я между нами строю крепость,
Сам в свою рану сыплю соль».

«Ночь обернулась ясным утром...» [1, с. 14]

И потому поэт ждёт, чтобы «ночь обернулась ясным утром» и «Походкой величавой мудрость / пришла в предутреннюю тишь» [1, с. 14]. Утром ему легче думается и чувствуется.

«Пока заря алеет», он решает, что тяжесть на душе – признак её наличия, хотя все ответы он искал «сердцем изо льда», то есть был эмоционально

скован, а вокруг – лишь «Зеркал холодная страна», возвращавшая герою его собственную холодность.

Ночь – время лживое и непонятное, когда «В небе звёзды как слёзы у пьяницы, / А луною смеются уста» [2, с. 5], и значит слёзы неискренни, как у пьяницы, они перебиваются смехом, лунной улыбкой ночи. Ночь насмехается над поэтом. Но Колдашев уходит от банальной и чёрствой реальности, в том числе прибегая к использованию инверсий, как например, «Шипов колючие слова».

Его лирический герой стремится вырваться из «океана монотонности», из привычного состояния существования сегодняшним днём, когда люди лишь «хотят дожить до срока», устали от всего вокруг и тонут «в житейской <...> круговерти». Поэт находит в этой погруженности в бытовую рутину и монотонности серых будней проблему своего поколения, которое в пору шторма не «ищет бури» в свои паруса, но лишь маются и стенают о безысходности.

Противовесом людям, не ценящим собственную жизнь, в стихах Колдашева выступает природа, в которой борьба за существование и желание выжить гораздо явственнее, чем в «океане монотонности» человеческого общества. Даже осенние листья, которые больно сечёт холодный ветер, стремятся дожить до грядущего дня, увидеть солнце, напитаться живительной силой его лучей: «И каждый лист мечтал увидеть первым / Чуть греющее солнце утром ранним» [2, с. 5].

Вот и получается, что в поэзии Илмира Колдашева более живой, яркой, эмоциональной, более человеческой выступает окружающая человека природа, а не сам человек. Автор меняет местами homo и окружающий его мир. Человек, не ценящий свою жизнь и тонущий «в житейской круговерти» ему менее интересен, чем природа, в которой каждый листок цепляется за жизнь. Не случайно и появление человека в стихотворении о сорванных осенних листьях:

Им не лететь над тротуаром снова.

Не вспомнят их печальные деревья.

А ты холодный желтый лист кленовый

Вдруг выпустишь, поймав случайно первым.

«Осенний ветер больно сѣк деревья...» [2, с. 5]

Человек появляется не затем, чтобы задуматься над судьбой листка и бренностью всего сущего, не над собственной судьбой (а ведь «Листья и юность моя не вечные»), в которой рано или поздно также наступит осень и «проводит нас в зиму морозную». Это у классиков, найдя в потрёпанном томике сухой листок, герои рассуждали о том, кто положил листок в книгу, какова была его судьба. Современный человек другой. Он ловит листок и выпускает, хоть и поймал его первым, а значит – увидел явление увядания в самом начале. Увидел и поспешил по своим делам, так ничего и не поняв.

Когда же речь заходит о чувствах и переживаниях самого поэта, он описывает осень как «рыжую сестрицу» и обращается к ней совсем породственному. Колдашев стремится не упустить ни одно мгновение, наслаждается жизнью. Он просит у осени: «Холода, дожди отсрочить / Помоги на две недели», будто «рыжая сестрица» способна внять его мольбам и продлить период сладости мятных ранеток, прихваченных первым, пока случайным, морозцем зрелости. В доме и на душе у него в этот миг тепло и ясно. На это тепло летит всё живое, ценящее жизнь: «В окна к нам стучатся птицы, / Просят поселить их дома...».

Однако, в круговерти яркой, сладкой жизни, распробовав запретный плод, мятную ранетку, герой вдруг задаётся вопросом: «Осень – рыжая лисица, / Всем ли ты, как нам знакома?..». Словно спохватывается, что счастья на их двоих слишком много и кому-то может не хватить, кто-то остался без своей рыжей осени с мятными ранетками и стучащимися в окно птицами. Но многие ли из поколения распробовали осень на вкус? Или же «океан монотонности» сковало ледком до будущей весны?

Между тем, неизбежность зимы, в которую нас проводит осень, сулит как прозрение, так и разочарования: «Звёзды молчат, как осколки желания, / Сны о любимой окажутся прозою. / Девочка плачет вослед уходящему. / Осень проводит нас в зиму морозную».

В преддверье зимы, в морозную погоду, отчётливо видны на небе мириады звёзд, осколки былых желаний. И кажется, беззаботной весной, жарким летом и мятной осенью ты не замечал, сколько их – нереализованных желаний, выпущенных из рук, полетевших снизу вверх и вдребезги разбившихся о небесный купол, оставшихся там осколками.

Природа и здесь оказывается крепче человека, ведь «...деревья, друг друга взяв под руки, / Столбенеют морозам в ответ» [2, с. 5]. Непокорённость! В мозгу сразу возникают ассоциации с фонтаном на привокзальной площади измочаленного войной Сталинграда, где скульптурная композиция – взявшиеся за руки дети смело смотрят окаменевшими лицами на разрывы снарядов, в холодную зиму сорок второго.

Связь неба и земли, единство мира прослеживается в самом, казалось бы, простом. Поэт пишет: «Дым из труб расстилается в воздухе, / К небу тянется тёплый привет» [2, с. 5]. Нет же, это не просто дым, а привет от земли небу, это путь сожженных деревьев на небо, опять же торжество природы над человеком из «океана монотонности», видящим там, наверху, лишь «осколки желания».

Поэт же во всём видит символы чего-то большего. Свет от луны представляется «признанием» изменчивости и иллюзорности всего ночного, времени, когда «разум мысли хороводит». Однако, вместо ярости поэт наблюдает за звёздами, которые «висят в окне» и замечает, что они, пожалуй, продрогли. Он бы и рад впустить их погреться, как осенних птиц, да вот крокодилы слёзы пьяницы-ночи кап-кап, но остаются на месте как приклеенные.

Колдашев – поэт тонкий и ироничный. Его стихи, внешне кажутся неуклюжими, порой тяжеловесными, но при детальном рассмотрении встречаются удивительные, полные самоиронии и доброго, чистого юмора строки. Например, «Весна придёт скорей, чем прокричишь». Я был готов пожурить автора за эту строку, но вдруг, вслед за поэтом поймал себя на мысли, что весна и впрямь пришла раньше, если он вышел и закричал: «Весна пришла!».

Но, пожалуй, наиболее ярким является короткое «переходное» стихотворение, вроде бы описывающее нехватку веника в бане у лирического героя:

На улице лютый мороз,
Скрипят за воротами сани,
А год уходящий унёс
Последний мой веник из бани.

«На улице лютый мороз...» [2, с. 5]

В четырёх строках сказано о многом. О том, что год немало забрал с собой и был непрост, о том, что прошлогоднее лирический герой поневоле перенесёт на себе в год грядущий. Это ли не тонкая ирония над обычаем париться в бане под конец года, чтобы под бой курантов быть чистыми, покрасневшимися, обновлёнными. Поэт словно замечает: а у меня обновление не случилось, я остался тем же, кем был в прошлом году – веник куплю, в баню схожу, но разве это что-то изменит?

Вот и послевкусие праздника, горящее, полное иронии – это новый год, лишившийся вчерашнего очарования:

Скоротечно наш праздник прошел.
Маски сброшены.
Грустные лица.
Дед Снегурочку еле нашёл.
До сих пор он на нас матерится.

«Скоротечно наш праздник прошел...»

Поэт пребывает в постоянном поиске места и времени, где ему было бы комфортно, где он «жить не опоздал». Лирический герой (читай – автор) то хочет «сесть в самолёт», то стремится «на поезде скором умчаться». Он уверяет себя: «Вслед за мечтой я улетел бы дальше, / Чем видит глаз, и там её бы ждал» [2, с. 5]. «Бы» да «кабы». В этом выражается извечное недовольство существующим порядком вещей. Вот и ищет поэт выход из ситуации, улетаая, уезжая, уплывая в мыслях далеко. Далекое во времени и пространстве. То на восток, где прошло детство и который «лучист и широк», ведь это его восток, знакомый и понятный, то в грядущую весну, которая, конечно же, всё исправит: ««Весна, скорей раскрой дней серых шторы / И подними мечту мою с колен!» [2, с. 5].

Но он вынужден жить в суровой сибирской глуши и каждый год – какая замечательная строка! – «Поневоле в сугробы влюбляться». И вот уже мир вокруг не кажется непоправимо испорченным, а утро не наказывает хлопотами – оно их «дарит». И лирический герой забывает, о чём просил весну. Приходит весна – ему хочется мчаться «на поезде в лето», а осенью «мечтать про Новый год». Поэт словно говорит нам, что порой наши желания сиюминутны, и нужно приневолить себя «влюбиться» в сугробы и сродниться с «рыжей сестрицей» осенью.

Проблема поколения видится Колдашеву даже не в том, что люди не ценят свою жизнь и не умеют увидеть вокруг себя живой, кипящий мир. Проблема в том, что, пытаясь найти баланс между тем, что «от ума» и тем, что «от сердца», люди склоняются к рассудочному, вычеркивая чувства из своей жизни, становясь циничнее: «Любовь не зла, лишь мысли взяли моду / Искать не ту, которую хотел» [2, с. 5].

Вот ведь! Не в любви дело, мы сами не слушаем сердце, отдавая решения на откуп мозгу. Потому тёплой, мятной осенью, случайно поймав желтый

лист, отбрасываем его и идём прочь. И ни единая струнка души не дребезжит, тревожа «океан монотонности».

Литература:

1. Колдашев, И. А. «Ночь обернулась ясным утром...» // Таряне. – 2015. – № 1. – С. 14.
2. Колдашев, И. А. «Осенний ветер больно сёк деревья...», «Дым из труб расстилается в воздухе», «Пусть вьюги ждут нас...», «На улице лютый мороз...», «Сквозь тучи луч прокрался с небосвода...» // Таряне. – 2017. – № 5. – С. 5.

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СИБИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Писательская интеллигенция Восточного Казахстана в воспоминаниях Н.И. Анова

Е.Ю. Рахматулина

Процесс становления советской литературы Восточного Казахстана 1920-х годов, деятельность первых литераторов в значительной мере отражает публицистика периода, архивные документальные материалы и мемуаристка деятелей культуры. Особый исследовательский интерес представляет фонд Ф. 440 (Н.И. Анов) Николая Ивановича Анова (1891–1980 гг.) – старейшего советского писателя Казахстана, чей обширный личный архив хранится в Центральном государственном архиве Республики Казахстан (далее – ЦГА РК).

Н.И. Анов не только был тесно знаком со многими представителями творческой интеллигенции России и Казахстана того времени: А.М. Горьким, М.О. Ауэзовым, И. Байзаковым, А.А. Кашаубаевым, Н.В. Феокистовым, П. Васильевым, И.Е. Ерошиным, но и сам являлся активным участником историко-литературных событий, оставивших след на Востоке Казахстана.

К началу 1920-х годов судьба забросила молодого питерского писателя Николая Анова (настоящая фамилия Иванов) далеко на Восток – сначала в Омск, а затем в Усть-Каменогорск и Семипалатинск, где ему удалось прослужить на ниве журналистики. По воспоминаниям писателя, служившего тогда в провинциальном Усть-Каменогорске в редакции газеты «Советская власть»: «В уезде в разных местах вспыхивали восстания, а в Усть-Каменогорске жизнь текла размеренным порядком. В 9 утра служащие приходили на работу, маслобойка купца Сидорова за отсутствием сырья не работала, Риддерская железная дорога бездействовала – не было угля, бывший владелец золотых приисков Хотимский играл в шахматы с бывшим

прокурором, в гарнизонном клубе артисты репетировали «Привидение» Ибсена. Только на базаре теплилась жизнь: спекулянтки продавали стаканами пшено и потихоньку сахарин» [6, л.152].

В начале 1920-х годов Семипалатинская губерния оказалась принимающей зоной. Спасаясь от голода, сюда вместе с обездоленными детьми прибыли интеллигенты из центральных губерний России. Как пишет об этом периоде своей жизни сам писатель: «Кроме профессора Матвеева и доцента Соколова в Усть-Каменогорск приехало много интеллигенции. Среди приехавших встречались интересные люди... Я подружился с Георгием Альбертовичем Тотиним. Несмотря на сравнительную молодость, он объехал полмира. Был в Индии, Бразилии, на острове Борнео, в Париже, Италии. В Усть-Каменогорске он заведовал детскими домами, преподавал в школе географию, а его жена художница, работала воспитательницей. Тотин сочинял пьески, а его жена делала из бумаги костюмы. Спектакли пользовались у детворы большим успехом» [Там же, Л. 152].

Когда молодым журналистом был прочитан рассказ ученицы Валентины Бехли «Тайга», он показал его Альберту Тотину: «В тот вечер мы решили создать в городе нечто вроде литературного объединения и даже придумали название «Звено Алтая» [Там же, Л. 152]. Идею организации литературного объединения поддержал руководитель местного укома П.П. Бахеев. Так возникло единственное литературное объединение в Казахстане того периода, ядром которого стали Николай Анов, Георгий Тотин, Валентина Бехли, Евгений Худяков и другие.

Интересно, что Н.И. Анов узнал для себя, что человек под фамилией П.П. Бахеев, работавший в Усть-Каменогорске председателем укома и П.П. Бажов – одно и то же лицо, лишь в 1956 году, когда ему подтвердили эту информацию местные краеведы. Таким образом, «Звено Алтая» обязано своим рождением и писателю П.П. Бажову.

Через пять лет, в 1925 году на базе литературного объединения было организовано отделение Семипалатинской ассоциации пролетарских писателей. В него вошли начинающие поэты и писатели из комсомольцев и учащейся молодежи. А возглавил их преподаватель обществоведения Усть-Каменогорского педагогического техникума М.Ф. Иванусьев. Его стихи и рассказы публиковались в газетах и журналах под псевдонимом Михаил Алтайский [8].

Сам Николай Иванович осенью 1923 года по приглашению редактора газеты «Степная правда» Н.В. Феокистова переехал в Семипалатинск.

К 1923 году печатные издания в Семипалатинской губернии были представлены ежемесячными журналами «Коммунист» и «Охотник Алтая», газетами на русском языке: «Смычка», «Степная правда», «Смена», на казахском языке – журналом «Тан» и газетой «Қазақ тілі» («Казахский язык») [7, л. 52].

Работая в газете, Н.И. Анов находился в самой гуще культурной жизни города, посещал мероприятия – от театральных постановок до музыкальных вечеров, подготавливая глубокие и интересные рецензии, не всегда приятные исполнителям. Так получилось с коллективом молодежного театрального движения «Синяя блуза», когда Н. Анов в октябре 1924 года в заметке «Синяя блуза в театре им. Свердлова» справедливо обвинил «синяблузников» в «механическом переложении» сюжетов, понятных для жителей промышленной Москвы, но никак не далекого провинциального Семипалатинска [1, с. 4].

Культурный уровень Семипалатинска, бывшего губернским центром края, был, по замечанию Анова, довольно высоким: «Семипалатинск считался в Казахстане литературным городом. Выходил журнал на казахском языке «Тан» (Заря). Объединение русских писателей выпускало тощий журнальчик «Шахта»» [2, л. 240]. В редколлегии губернской газеты «Степная правда» работали поэты со стажем Николай Васильевич Феокистов и Иван Андреевич

Модзалевский, начавший свою литературную деятельность в «Звезде» и «Правде». Имена обоих поэтов притягивали будущих стихотворцев в редакцию «Степой правды».

Н.В. Феоктистов выпустил в Омске в 1919 году сборник стихов. К 1923 году он был редактором губернской газеты, поэтом, переводчиком, общественным деятелем. Именно ему принадлежит мысль о создании в городе Семипалатинской ассоциации пролетарских писателей или САПП. На литературные встречи к пролетарским писателям заглядывал и импровизатор Иса Байзаков. По воспоминанию Н. Анова, несмотря на регулярные заседания членов Ассоциации в помещении городской библиотеки, никто из собравшихся не проявил себя в литературе. А в памяти самого журналиста осталась лишь фигура «рыжего пожарника, писавшего плохие стихи» [3, Лл.1-6].

С приездом в город летом 1923 года постоянного сотрудника журнала «Сибирские огни» Ивана Евдокимовича Ерошина деятельность местных поэтов приобрела новые краски. Литературный авторитет «поэта-правдиста» И.Е. Ерошина для молодых семипалатинских авторов был весомым: поэт уже издал несколько стихотворений, многие читали его стихотворения, опубликованные в сборнике «Переклик» в Новониколаевске в 1922 году. В Семипалатинске им были проведены лекции, о том, что следует знать начинающим писателям. Ерошин, раскрывал для молодежи горизонты видимого мира, много цитировал из зарубежной классики, в том числе из Саади, имя которого для семипалатинских литераторов было неизвестно [5, лл. 119-120].

В этом же году И.Е. Ерошин написал стих «Утраты», посвященный Н. Анову:

«...Как разны судьбы наши!
Прозрачный горный ключ –
в руках моих свирель.

Но други милые,
одну мы выпьем чашу.

Одна качать нас будет колыбель» [Там же, Л. 119].

Творческие контакты И.Е. Ерошина и Н.И. Анова не прекратятся в Казахстане. После своего переезда в 1927 году в Новосибирск, Николай Иванович будет сотрудничать с И.Е. Ерошиным в литературной группе «Памир».

Трудно говорить о становлении казахского театра, не упоминая имен М.О. Ауэзова и Н.И. Анова. Если с пьесой М. Ауэзова «Енлик-Кебек» связано становление самого казахского театра, то благодаря пьесе писателя Н. Анова 1926 года «Исцеление» казахский аул познакомился с первой переводной русской пьесой. Пьеса была напечатана арабским шрифтом и вышла тиражом в 1000 экземпляров. На казахский язык ее перевел Казгосиздат с выпуском в 1000 экземпляров. В постановке были задействованы Калибек Куанышпаев, Серке Кожамкулов, Иса Байзаков, Амре Кашаубаев, Елубай Умурзаков и Капан Бадыров [4, л. 113].

Много позже, будучи маститым и признанным советским писателем Казахстана, Н.И. Анов подготовил сборник рассказов «На литературных перекрестках», вышедший в Алма-Ате в 1974 году. Среди прочих воспоминаний там есть и статья, посвященная начинающему М.О. Ауэзову, который учась в Ленинграде, помогал на каникулах в редакции газеты «Қазак тілі». Вот как описывает Анов молодого Ауэзова: «Насколько я помню, Мухтар Ауэзов был единственным студентом-казахом в городе. Молодой, красивый, пышноволосяй Ауэзов выделялся своим сугубо «столичным видом»: был всегда великолепно одет, подтянут, с достоинством носил студенческую с голубым околышем фуражку, явно гордясь ею» [2, л. 240]. Хотя знакомство двух писателей и началось с крупной ссоры в Семипалатинске, постепенно оно переросло во взаимоуважение и интерес к

творчеству друг друга, личные же контакты ими поддерживались на протяжении всей последующей жизни.

Ценность мемуарной литературы Н.И. Анова – в ясности его писательского видения, желании показать, как светлые, так и темные стороны жизни, умении донести историческую канву событий. Безусловно, воспоминания Н.И. Анова являются не только признанным литературно-художественным наследием, они несут интерес для современных и последующих поколений историков-исследователей, позволяя «услышать» живые разговоры и понять настроения, царившие в среде интеллигенции Восточного Казахстана 1920-х гг.

Литература:

1. Анов Н.И. Синяя блуза в театре им. Свердлова // Степная правда. 21 октября. 1924.
2. ЦГА РК Ф. 440 (Анов Н.И.). Оп. 1. Д. 144.
3. ЦГА РК Ф. 440 (Анов Н.И.). Оп. 1. Д. 144.
4. ЦГА РК Ф. 440 (Анов Н.И.). Оп. 1. Д. 146.
5. ЦГА РК Ф. 440 (Анов Н.И.). Оп. 1. Д. 146.
6. ЦГА РК Ф. 440 (Н.И. Анов). Оп. 1. Д. 146.
7. ЦГА РК Ф. 2300 (Обзор информотдела ЦК РКП (б) и киргизского обкома РКП (б) за 1923-1924 гг.). Оп.2. Д. 5.
8. Черных С.Е. «Звено Алтая» / С.Е. Черных. Начало положила крепость. Сборник статей, очерков. Управление архивами Восточно-Казахстанской области, государственный архив Восточно-Казахстанской области; Сост. Л.П. Рифель. Усть-Каменогорск, 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://textarchive.ru/c-2111821-p5.html> (дата обращения 29.08.2017).

Сибирь как «территория смерти» в современной западной массовой литературе

М.В. Хлебников

Одним из методологических «столпов» изучения массовой литературы выступает теория «литературных формул» Дж. Г. Кавелти, введённая в научный оборот ещё в 70-ые годы прошлого века. Предложенная модель оказалась востребованной в силу её очевидной применимости и относительной простоты на фоне переусложнённых структуралистских и постструктуралистских исследовательских стратегий, возникших на том же временном отрезке. Под «формулой» следует понимать наличие структуры повествовательных, образных, сюжетных конвенций, присутствующих в достаточно большом количестве произведений. Именно наличие «формулы» позволяет наладить контакт с потребителем массовой литературы, без которого невозможно эффективное бесперебойное производство «культурного продукта». Кавелти отмечает, что «формулы» восходят и отражают динамическую сущность культуры: «Формулы помогают с помощью традиционных конструкторов воображения усвоить изменения в ценностях. Они облегчают переход от старых к новым формам выражения и тем самым способствуют культурной преемственности» [1, 167]. Автор приводит пример, связанный с бытованием образа «ирландца» в американской массовой литературе. Вынужденная, спровоцированная тяжёлой экономической ситуацией в Великобритании в середине XIX века, эмиграция ирландцев в США привела к появлению и закреплению социокультурного стереотипа, маркирующего «ирландца» как «агрессивного», «грубого», «нарушающего джентльменский кодекс» представителя низшего сословия. Массовая литература, используя данное представление, создаёт устойчивый образ «ирландского гангстера», активно используемый авторами «крутого детектива».

Литературная формула «Сибирь» достаточно широко представлена в современной зарубежной массовой литературе. Более того, мы предлагаем рассмотреть составляющие этой формулы, используя такой жанр массовой литературы как детектив. Это представляется продуктивным, если вспомнить некоторые технологические особенности данного жанра. К ним относятся: серийность – стремление к максимальному использованию коммерчески удачных произведений, их фактическое воспроизведение и копирование, «замаскированные» формальным сюжетным разнообразием. У. Эко, удачно сочетавший в себе исследователя и практика жанра, следующим образом определяет причины привлекательности принципа серийности для читателей детектива: «Они извлекают наслаждение из отсутствия истории, если, конечно, история – это последовательность событий, приводящих нас от исходной точки к такому финалу, о котором мы даже не помышляли; развлечение заключается в опровержении существования последовательности событий, в элиминации напряжения из прошлого-настоящего-будущего, в концентрации на мгновении, которое любят особенно потому, что он повторяется [2, 55]. Не сюжет, как считалось ранее, но топологическое и нарративное воспроизводство постоянной структуры исходного текста детерминируют «читательскую любовь» и потребность в продолжении, продлении текста. Названная структура в силу её постоянства и позволяет выделить элементы «формулы детектива» в их наиболее чистом виде.

Второй технологической особенностью детектива можно считать его формальную социально-политическую акцентуацию. В отличие от других жанров массовой литературы (фэнтези, любовный роман), структура детектива позволяет авторам при необходимости обращаться к актуальным общественным проблемам. Р. Чандлер, немало сделавший для развития «крутого» детектива и противопоставлявший его классическому роману-загадке, следующим образом определял необходимость ухода от чистой развлекательности, присущей детективному жанру в целом: «Реалист,

взявшийся за детектив, пишет о мире, где гангстеры правят нациями и почти правят городами, где отели, многоквартирные дома, роскошные рестораны принадлежат людям, которые сколотили свой капитал на содержании публичных домов, где звезда киноэкрана может быть наводчиком бандитской шайки, где ваш очаровательный сосед может оказаться главой подпольного игрового синдиката...» [3, 177]. Понятно, что социальный критицизм, как и политическая актуальность не являются константой детектива, но возможность их присутствия заложена в его жанровой структуре. Напомним о недавнем феноменальном успехе трилогии С. Ларссона, объективные недостатки которой (сюжетная вторичность, схематизм и шаблонность в изображении характеров главных героев) были нивелированы именно наличием социально-политического посыла. Таким образом, указанные особенности детективного жанра в перспективе должны раскрыть одновременно сущностную и динамическую природу образа Сибири, что позволит, преодолевая многообразие эмпирического материала, прийти к концептуальным обобщениям.

В начале нашего анализа следует отметить, что образ Сибири в исследуемых нами текстах представлен формально различными лексико-семантическими уровнями. На самом бедном из них «Сибирь» выступает в качестве элементарной метафоры с однозначно негативным значением. Так, в одной из книг Л. Чайлда – автора популярной серии романов о частном детективе Джеке Ричере, присутствует весьма выразительное авторское сравнение: «Омаха – это не Нью-Йорк или Вашингтон, но и не какая-то там дыра. Например, не Сибирь. Даже близко не лежала» [4, 27]. Тройное отрицание призвано подчеркнуть, придать дополнительную эмоциональную коннотацию связке-метафоре «Сибирь-дыра». Метафорическое использование Сибири, близкое по смыслу данному сравнению мы находим в романе Ю. Теорина «Ночной шторм». Братья Сериус – мелкие уголовники, «сосланы» своим боссом в «шведскую глубинку». Они вспоминают об этапах

своей криминальной карьеры, связанной с преступной деятельностью в различных европейских странах и городах (Германия, Дания), характеризуя их в превосходной степени: «что может быть лучше». Отношение братьев к своему вынужденному пребыванию на родине раскрывается с помощью одного слова: «Это он послал нас сюда. — В Сибирь, — прибавил Фредди, подвигая к себе миску с чипсами» [5, 47]. Как мы видим, шведский автор идёт дальше своего английского коллеги. Если первый использует сравнение с одним лексическим значением, то Теорин удваивает его, прибавляя к «Сибири-дыре» ещё одно измерение: «Сибирь-ссылка».

На следующем уровне мы переходим к анализу выбора «сибирских» имён персонажей. Здесь наблюдаются две устойчивые тенденции. Первая заключается в использовании имён со стёртым семантическим наполнением. Так, в романе Ю. Несбе «Призрак» присутствует «сибирский казак» «Сергей Иванов». Выбор его фамилии определён исключительно функциональной необходимостью этнического маркирования и не несёт в себе дотекстового потенциала. Естественно, что подобный выбор имени свидетельствует о нежелании писателя индивидуализировать своего персонажа, придать ему черты жизненности и многомерности. Вторая тенденция заключается в выборе «знаковых» имён персонажей. Как правило, это фамилии известных русских писателей, композиторов. В известном романе Т.Б. Смита «Малыш 44» появляются герои, носящие фамилии «Ахматова» и «Бродский». В продолжении – романе «Колыма» к ним присоединяется начальник сибирского лагеря «Синявский». Роман Т. Клэнси «Медведь и Дракон» украшен фигурой сибирского охотника «Петра Петровича Гоголя». Несмотря на внешнюю «культурологическую нагрузку» подобный выбор мало чем отличается от «Сергея Иванова». «Говорящие» фамилии подчёркивают лишь абсурдность их использования, игнорирующее богатство культурно-исторических реминисценций, смысловых и образных оттенков, которые не

могли не проявиться при ином, творческом подходе к работе с антропологическим материалом.

Впрочем, в исследуемых текстах присутствуют варианты более глубокого, можно сказать, концептуального отношения к выбору «сибирских» имён персонажей. Рассмотрим роман «Призрак кургана» уже знакомого нам Ю. Теорина, являющийся продолжением «Ночного шторма». В нём также присутствует сибирская тема, но уже не в таком лаконичном виде, как в предыдущей книге. Образ Сибири становится важным элементом исторической картины, нарисованной автором достаточно «широкими мазками». Один из героев романа – Арон Фред, в начале тридцатых годов прошлого века приезжает в СССР. Романтический сторонник «нового мира» он сталкивается с изнаночной стороной советской действительности: принудительный труд, подавление индивидуального начала, всевластие карательных органов. Под каток последних и попадает Арон. Машина репрессий «перемалывает» его. Но она не просто уничтожает Арона Фреда как личность, а создаёт на его материале новый субъект.

Попав в Сибирь, шведский юноша, присваивает себе документы погибшего на лесоповале мелкого уголовника Владимира Шевченко. В итоге Арон не просто меняет статью, по которой он отбывает наказание. С лёгкостью бывший Арон, ставший «Владом» переступает через все моральные рамки. Он идёт на сотрудничество с лагерной администрацией, которая поощряет классово близкого «перековавшегося Влада». Лагерный активист стремительно поднимается по карьерной лестнице и становится охранником, безжалостно расстреливающего своих бывших товарищей по несчастью. Автор особо подчёркивает infernalную природу Сибири, колдовским образом изменившую не только сущность, но и даже облик бывшего Арона: «Он посмотрел на фотографию – и не узнал себя. Не глядел в зеркало много лет. На фотографии парень с грубоватым лицом, перебитым носом и розовым шрамом на лбу. Это не он, не Арон Фред. Это Влад» [6, 256].

Сибирь по воле автора выступает как Хтонос, неумолимо поглощающий, уничтожающий инородное по отношению к нему человеческое начало: «Влад все еще получает некоторое удовольствие от ощущения своей власти над заключенными, но Арон смертельно устал. Ему всего тридцать, но чувствует он себя стариком» [6, 327]. «Влад», сохранивший внешние черты живого человека, по сути, становится «живым мертвецом», зомби приносящим смерть и разрушение уже в Швецию, в которую он в итоге перебирается.

Озвученную шведским писателем идею об инобытии Сибири, мы находим в текстах других авторов, которые пытаются «обогащить» своего читателя культурно-историческими сведениями о регионе и его обитателях. Уже упомянутый выше Ю. Несбё имеет репутацию серьёзного автора, внимательного к деталям, стремящегося к максимальной достоверности. Предсказуемо проблемы школьного уровня у Несбё начинаются уже при обращении к географическим данным. Русские уголовники в начале книги названные «алтайскими казаками» к её завершению меняют свою прописку и превращаются в «казаков из Омска», которые разговаривают на особом, открытом Нёсбе, «резком» и «отрывистом» «южносибирском говоре» [7, 228]. Но куда интереснее географических и филологических изысков представление норвежского автора о личностных качествах обитателей Сибири. Как и положено хтоническим созданиям, они обладают врождённой агрессивностью по отношению к «чужакам»: «Сергей никогда раньше никому не резал горло, как, впрочем, и не бил ножом в сердце, только однажды воткнул нож в бедро грузину, который не сделал им ничего плохого, а просто был грузином» [7, 74]. Интересно, в качестве практики владения ножом Сергей выбирает кошек, принадлежащих его соседу-пакистанцу. Тем самым подчёркивается разница между «правильным эмигрантом», разделяющим ценности общества, в котором он пребывает и «сибирским казаком» – носителем иной системы этики. Одно из объяснений агрессивности обитателей Сибири, по мнению,

Несбѣ следует искать в единственно возможной форме их существования – преступного сообщества, о природе и способе организации которого автор также имеет своё авторитетное мнение: «Урки – представители сибирского криминального клана» [7, 72]. Здесь мы видим прямое продолжение художественной идеи «Сибирь-Гулаг», в реализации которой мы также находим хтонические, апокалипсические черты.

Знакомый нам начальник лагеря Синявский из романа Т.Р. Смита руководит строительством железной дороги в устье реки Оби, унесшим жизни тысяч людей. Стройку писатель описывает как гигантское в библейском духе «жертвоприношение зверю»: «Увы, рельсы последней так и не дотянулись до Енисея, остановившись в нескольких сотнях километров от места назначения, и теперь ржавели в земле, похожие на останки какого-нибудь доисторического стального чудовища» [8, 207]. Библейскому образу «чудовища» соответствует представление об антиисторичности сибирского топоса: «Здания и постройки выглядели настолько примитивно, что казалось, будто некогда могучая цивилизация пошла по пути обратной эволюции и небоскрёбы сменились деревянными хижинами» [8, 206]. Симптоматично, что религиозные чувства носителей «южносибирского говора» подаются не как знак нормы, хотя бы формальной принадлежности к христианскому миру, но оказываются «вплавлены» в агрессивную, разрушительную модель поведения. Вот как подается читателю описание «сибирского пружинного ножа» – орудия убийства кошек: «Нож, который он держал в руке, был очень красивым, с тёмно-коричневой рукояткой из рога благородного оленя, инкрустированного православным крестом из слоновой кости» [7, 73].

Завершая работу, попробуем определить общее место образа «Сибири» в современной западной массовой литературе. Приведённые примеры, как и тексты по техническим обстоятельствам оставленные за пределами цитирования, убедительно свидетельствуют, что использование данного образа связано с негативной коннотацией. Устойчивость и частота её

артикуляции позволяет сделать вывод о наличии «литературной формулы» Сибири. Но в отличие от других формул массовой литературы (тот же образ ирландцев) она не демонстрирует трансформационного потенциала. Объяснение этому следует искать за пределами собственно литературного пространства. Образ «Сибири» следует понимать расширительно, как элемент социальной мифологии, являющейся основанием западной цивилизации. Объектом этой мифологизации является как Россия, так и её законченное метафизическое измерение – Сибирь.

Мифологизацию невозможно преодолеть рационально, используя, допустим, «методы просвещения». Сколько бы ни выпускалось книг на тему «подлинная история России», интерес к ним западного читателя будет практически равен нулю, в силу того, что рациональными средствами «формула» не изменяется. Здесь работают иные механизмы. Один из возможных выходов из тупиковой ситуации – принятие и развитие предложенной формулы «Сибирь – территория смерти». Известный современный критик и политолог К. Крылов, размышляя о путях развития отечественного фэнтези, приходит к заключению о необходимости «вложиться в противников» западного мифа: «Развернуть индустрию производства антизападного мифа, последовательно героизируя и прославляя тех мифологических персонажей, которые на Западе играют роль «плохих парней» [9, 259]. Анализ конкретных инструментариев реализации и возможных последствий подобного культурного эксперимента, конечно, следует рассматривать отдельно. Но его воплощение позволит перейти на «половину поля противника», перехватить социокультурную инициативу и показать, что «сибирские казаки» владеют не только «пружинными ножами».

Литература:

1. Кавелти Дж. Г. Приключение, тайна и любовная история: формульное повествование как искусство и популярная литература // Проблемы социологии литературы за рубежом. М.: ИНИОН, 1983.
2. Эко У. Инновация и повторение. Между эстетикой модерна и постмодерна //Философия эпохи постмодерна: Сборник переводов и рефератов. Минск. Красико-принт, 1996.
3. Чандлер Р. Простое искусство убивать // Как сделать детектив. М.: Радуга, 1990.
4. Чайдл Л. Джек Ричер, или В розыске. М.: Эксмо, 2016.
5. Теорин Ю. Ночной шторм. М.: РИПОЛ классик, 2010.
6. Теорин Ю. Призрак кургана. М. РИПОЛ классик, 2016.
7. Несбё Ю. Призрак. СПб.: Азбука, 213.
8. Смит Т.Р. Колыма. Харьков.: Книжный Клуб, 2013.
9. Крылов К. Рассуждение о русской фэнтези / Нет времени. СПб.: Владимир Даль, 2006.

РОЛЬ ЛИТЕРАТУРНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЁЖИ

О значении трудов местных писателей-краеведов для формирования исторической памяти: деятельность И.Ф. Петрова (1960-1985 гг.)

Келлер Л.И.

Историческая память является одним из критериев идентификации для отдельной личности и общества в целом. В советский период отечественной истории перед властью встала задача воспитания «советского человека». Требовалось сформировать такой образ прошлого, который соответствовал официальной версии истории страны. Одна из ключевых ролей в этом процессе отводилась творческой интеллигенции. Поставленная под всесторонний государственный контроль, она должна была служить обществу и воспитывать людей в духе преданности идеям и идеалам социализма, вдохновлять на трудовые, научные, общественно-полезные свершения [1, с.185]. Представители интеллигенции должны были следовать единственно верному художественному методу – социалистическому реализму, прошлое требовалось толковать в полном согласии с марксистской идеологией. Художественная литература в этом случае выступала как один из факторов формирования исторической памяти. По мнению Л.Н. Мазур, «художественные произведения, обладая высокой степенью эмоционального воздействия, влияют на подсознание и внедряют в него научные знания о прошлом... это придает историческим представлениям жизненную силу и правдоподобие» [5, с. 248].

Рассмотрим роль провинциальной советской творческой интеллигенции в формировании исторической памяти на примере деятельности омского писателя-краеведа И.Ф. Петрова (1920-2012). История города Омска, Сибири, вклад отдельных личностей в ее развитие была магистральной темой в его творчестве. Писатель-краевед неоднократно ставил в своих трудах проблему

сохранения памяти о прошлом в региональном и городском пространстве, а также создания «мест памяти».

Одним из первых произведений И.Ф. Петрова по истории Омской области была работа «Дорогами героев» (1969). Она посвящена событиям гражданской войны на Тарском севере, деятельности партизанского отряда А.И. Избышева. Автор поставил перед собой задачу собрать материал о партизанском отряде, так как в публикациях, которые уже имелись к моменту издания книги, существовало множество противоречий [6, с.7]. Писатель ведет повествование от первого лица, рассказывает о поиске участников и очевидцев событий гражданской войны, приводит яркие картины сражений. Он выразил свое сожаление по поводу того, что на мемориале, посвященном расстрелу партизан и подпольщиков, нет ни одного имени, а лишь дата «2 июня 1919 г.»: «Как же можно быть столь безразличными, чтобы растерять имена, составляющие гордость и славу родной страны? Мы не всегда умеем хозяйски распоряжаться всем своим духовным богатством, полностью использовать его в воспитательных целях» [6, с. 39-40].

На протяжении 1970-х – 1980 –х гг. Иван Федорович обращался к истории освоения Сибирского края, ей были посвящены очерки «Земля отцов» (1974), «Сибирский корень» (1982), «Дороги ведут на восток» (1984). Данная тема являлась дискуссионной в советской историографии. В 1920-1930-е гг. господствовала концепция завоевания Сибири, подчеркивался насильственный и жестокий характер этого процесса [3, с.86]. После Великой Отечественной войны в целях подчеркивания выдающейся прогрессивной роли России термин «завоевание» был заменен на «присоединение» [4, с. 124]. И.Ф. Петров разделял точку зрения С.В. Бахрушина, согласно которой русские переселенцы оказали благотворное воздействие на местное население края. Развитие хлебопашества в Сибири он связывал с приходом сюда русского населения. И.Ф. Петров уделил внимание подвигам сибирских первопроходцев: С. Дежнева, Е. Хабарова, Г.Н. Шелехова и участникам их

экспедиций, именно в таких людях проявлялся «настоящий русский характер» [9, с. 127]. Автор подчеркнул прогрессивную роль ссыльных декабристов, для которых эта земля была «опытным полем» [9, с.140]. Рационализация ведения хозяйства, освоение новых путей в Сибирь происходило в основном за счет инициативы приезжего трудового населения. Он пишет о решающей роли Великой Октябрьской социалистической революции, она «навела настоящий порядок... в справедливом распределении продукции», «ликвидировала эксплуатацию человека человеком», ведь «в дореволюционной Сибири при общем изобилии хлеба были тысячи голодных семей и обездоленных крестьян» [9, с. 144] «Трудовой подвиг» «первых сибирских землепроходцев и земледелов» был примером для советских граждан, которые отправлялись поднимать целину [9, с. 144].

В 1977 г. из-под пера писателя-краеведа вышла книга «Следы на земле: История Сибири в памятниках», переизданная в 1981[8] и 1984 [7] гг. Интересна авторская идея отразить своеобразное путешествие по местам памяти. Книга начинается с эпитафии: «Плох тот народ, который не помнит, и не ценит, не любит своей истории» (В. Васнецов). Далее под красочными слоганами И.Ф. Петров приводит фотографии памятников («следов на земле») и интересный фактический материал о знаковых личностях или событиях, которым посвящены мемориалы. В первом издании книги писателем было представлено 142 памятника. Краевед учел все идеологические требования, отметил подвижки, которые появились благодаря преобразованиям советской власти и отрицательные действия царизма. Так, правительство не ценило труд рабочих при постройке транссибирской магистрали. Когда встал вопрос о сооружении мемориала, «то подлинными героями – рабочие строители, были обойдены. Окончание работ было решено ознаменовать сооружением трех памятников Александру III» [13, с. 47]. Соответственно, с приходом советской власти они были убраны. Примечательно, что И.Ф. Петров приводит мемориалы не только тех личностей, которых одобряла советская власть, но и

тех, кто, по его мнению, внес значительный вклад в развитие Сибирского региона. Например, такими фигурами являлись Г.Н. Потанин и Н.Н. Муравьев-Амурский.

Н.Н. Муравьеву был посвящен очерк «Могучий взмах крыла». Несмотря на то, что он действовал в интересах царского правительства, носил титул графа, из-за чего впоследствии в Хабаровске в 1925 г. был снесен его памятник, И.Ф. Петров характеризует его деятельность как «образец гражданского исполнения долга» [11, с. 122]. Именно при содействии омского краеведа после выхода очерка в Хабаровске началась работа по восстановлению памятника по макету А.М. Опекушина, найденному в Русском музее [10].

Примером неустанного труженика в очерке «След» для омичей выступал А.М. Малунцев – директор нефтеперерабатывающего завода. Автор так характеризует своего героя: «...многоопытный инженер, заботливый хозяйственник, сердечный, обаятельный человек – серьезный и принципиальный на работе, мастер на все руки в кругу друзей» [12, с. 138]. Будучи пораженным смертельной болезнью, он нашел в себе силы достичь высоких объемов производства и ввести в оборот новые объекты, завод для него был «всем – работой, увлечением, самой жизнью» [12, с. 130]. Опять же в конце очерка И.Ф. Петров подчеркивает сохранение памяти о герое, «дела и жизнь которого были достойны самого высокого уважения людей» [12, с. 142]: на доме, где жил А.М. Малунцев помещена большая мемориальная доска с выбитым профилем.

Как писал И.Ф. Петров: «К истории можно относиться по-разному. Ее можно любить, можно не любить. Но забывать ее нельзя» [2]. И в этой фразе заложена вся суть краеведческих очерков писателя. Стараясь соблюдать идеологические требования, И.Ф. Петров все же подчеркивал важность сохранения памяти об истории дореволюционной России и о людях, верно служивших интересам своего государства, а не следовать обобщенным

стереотипам. Исторические очерки И.Ф. Петрова способствовали популяризации местной истории среди массового читателя. Описанные в легкой художественной форме исторические факты сочетались с проблемой сохранения наследия прошлого и памяти о нем в настоящем.

Литература:

1. Анциборова Л.С. Социально-политическая роль творческой интеллигенции в советском обществе 60-80-х годов XX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 2010. №2. С. 184-189.
2. Бережной Ю. О Сибири и Сибиряках//Омская правда, 1982. 23 янв.
3. Демин Д. И. Колонизация и хозяйственное освоение Сибири в XVII в. в ранней советской историографии // Вестник Томского государственного университета. 2010. №1. С. 86-91.
4. Зуев А.С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып.1. Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999. С. 124-136.
5. Мазур Л. Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2013. № 3.С. 244-256.
6. Петров И. Ф. Дорогами героев. Новосибирск, 1969. 119 с.
7. Петров И. Ф. Обелиски славы: История Сибири в памятниках. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. 176 с.
8. Петров И.Ф. В камне и бронзе: История Сибири в Памятниках. Омск: Кн. изд-во, 1981.319 с.
9. Петров И.Ф. Земля отцов. Омск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1974. 192 с.
10. Петров И.Ф. Каждый защищал свою правду // Вечерний Омск, 1995. 23 февр.

11. Петров И.Ф. Могучий взмах крыла // Петров И.Ф. Не забудь их, моя Россия! Омск, 1984. С. 99-137.

12. Петров И.Ф. След // Петров И.Ф. По родному краю. Омск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1980. С.126-144.

13. Петров И.Ф. Следы на земле: история Сибири в памятниках. Новосибирск, 1977. 205 с.

Роль литературного краеведения в патриотическом воспитании молодёжи Таврического района

Никифорова З.И.

Вопросы патриотического воспитания, ставшие актуальными в наше время, вызваны необходимостью сохранения нашего общества как единого многонационального суверенного государства.

Как тут не вспомнить слова русского писателя А. И. Солженицына: «Патриотизм – чувство органическое, естественное. И как не может сохраниться общество, где не усвоена ответственность гражданская, так и не существовать стране, особенно многонациональной, где потеряна ответственность общегосударственная». Несомненно, основополагающая роль в привитии патриотических чувств подрастающему поколению отводится, наряду со средствами массовой информации, образовательным учреждениям.

Назревшая проблема поисков действительно «живых» форм работы, когда её проводят те, кто сам реально участвовал в том, о чём рассказывает и пишет, легла в основу моего выступления.

Краеведческая работа является важной составляющей частью в патриотическом воспитании молодёжи. Она осуществляется под руководством педагога и направлена на всестороннее изучение учащимися своего края. Краеведение призвано воспитывать у школьников причастность к истории своих предков, формировать желание изучать языковые особенности, традиции и обычаи родного края, познавать свои корни, что, конечно, способствует формированию таких нравственных ценностей, как духовность, национальное самосознание, патриотизм.

Мне посчастливилось жить в Таврическом районе, где краеведческое воспитание начинается с самого раннего детства. Многие наши местные

самобытные писатели пишут о своей малой Родине: Валентина Останина, Нина Локшина, Борис Сеченов, Константин Рябинин и другие.

Более подробно хотелось бы остановиться на биографии К.А. Рябинина.

Константин Афанасьевич Рябинин родился 21 октября 1916 года в селе Лаптев Лог Алтайского края. Родители Афанасий Васильевич и Анфиса Яковлевна были крестьянами. В семье росли младшие дети – брат Николай и сестра Екатерина. Его отрочество и юность прошли в Семипалатинске, Бийске, Кемерово.

В Омск Константин Рябинин приехал летом 1934 года учиться в сельскохозяйственном институте, но через год перешёл на литературный факультет Учительского института. С 1935 по 1937 годы учился в Омском учительском институте. В 1937 году началась его педагогическая деятельность в Таврическом, которую прервали фронтовые годы. В декабре 1942 года был призван в армию. Его фронтовой путь прошёл через Смоленск, Витебск, Оршу, Борисов, Литву. В бою под Ярцевом, в сентябре 1943 года был ранен. Закончил войну в Кенигсберге.

На фронте в разное время был пулемётчиком, стрелком, командиром отделения. Награжден Орденом Отечественной войны 1-й степени, Орденом Славы 3-й степени, медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией».

После войны вернулся в родную школу и работал учителем русского языка и литературы, завучем, директором Таврической средней школы №1. Работал пропагандистом, корреспондентом районной и областной газет. Был членом районного Совета ветеранов войны и труда.

Военной поре Константин Афанасьевич Рябинин посвятил множество очерков, статей и стихов.

Единство народа в суровые годы испытаний, чувство патриотизма, вера в победу – вот одна из ключевых тем его поэзии. Творчество Рябинина отразило почти все исторические вехи тревожного XX века: гражданская

война, страшные годы репрессий и лагерей, Великая Отечественная война, реформы 1990-х годов. Он не оставляет без внимания ни одно событие в Таврическом – будь то столетний юбилей посёлка или открытие храма. Каждое стихотворение – раздумье о судьбе России и народа, о своей собственной судьбе. Вся его жизнь – служение Родине, людям, школе и ученикам, своей земле. За достигнутые успехи в области народного образования награждён нагрудным знаком «Отличник народного просвещения РСФСР».

В 1994 году вышел сборник стихотворений «О том, что сердцу дорого», в 2001 году – книга «Стихотворения и поэмы». Книга «Заметки истин и заблуждений» Константина Рябинина вышла через год после смерти автора.

Константин Рябинин – известный в районе краевед. Он собрал большой материал по истории района. Свои рукописные труды и документы он подарил в фонды центральной библиотеки и районного краеведческого музея.

Его материалы о земляках-тавричанцах, воспоминания военных лет печатались на страницах районных и областных газет. Всю свою жизнь К.А. Рябинин сначала на уроках, а затем, встречаясь с молодёжью, через свои стихи и рассказы прививал любовь к земле, которая его взрастила.

Константин Афанасьевич был одним из организаторов клуба «Поэзия» при центральной районной библиотеке и возглавлял его двадцать лет. Итогом большого жизненного пути стали выпущенные сборники стихов и книга «Таврическое и тавричанцы», о которой хотелось бы сказать отдельно. Она написана в соавторстве с учеником Константина Афанасьевича, историком–краеведом Борисом Александровичем Сеченовым. Собранные в книге статьи и очерки помогают молодому поколению познать и осмыслить прошлое родного края. Всех, о ком рассказывают авторы, объединяет одно – патриотизм, любовь и преданность своей малой Родине и России в целом. Многие из своих работ Константин Афанасьевич передал районному краеведческому музею, а также музею школы, где он работал.

Труд Константина Афанасьевича и беззаветная любовь к Таврическому и людям нашего посёлка были отмечены присвоением ему звания «Почётный Гражданин Таврического района» в 2000 году.

Константин Афанасьевич Рябинин ушел из жизни 30 ноября 2006 года на 91 году.

Поэтическое творчество Константина Рябинина знают и любят земляки.

В настоящее время в районе увековечена память о нем:

– 19 октября 2007 года на здании МОУ «Таврическая СОШ №1» установлена мемориальная доска;

– 24 ноября 2009 года сессия районного Совета депутатов утвердила решение: присвоить Таврической центральной библиотеке имя Почётного гражданина Таврического района Рябинина Константина Афанасьевича.

Литература:

1. Рябинин К.А. Заметки истин и заблуждений. – Таврическое: Таврическая типография, 2007. – 522 с.

2. Рябинин К.А. О том, что сердцу дорого. – Таврическое: Таврическая типография, 1993. – 43с.

3. Рябинин К.А. Стихотворения и поэмы. – Таврическое: Таврическая типография, 2001. – 290 с.

4. Рябинин К.А., Сеченов Б.А. Таврическое и тавричанцы. – Таврическое: Таврическая типография, 2004. – 566 с.

Сибирская литература и сибирская история
(на примере творчества омских авторов второй половины XX века)

Махнанова И.А.

Автором поставлена непростая задача, объёмная, с трудом поддающаяся систематизации, но позволяющая показать масштабы творчества, тематический и временной охват.

Предварительные терминологические замечания. Сибирская литература – независимо от места написания и издания произведения авторов, чья жизнь когда-либо была связана с Сибирью. Сибирская история – факты о Сибири, представленные в документальных или мемуарных произведениях. Омские авторы – литераторы, по рождению или месту проживания (даже короткому временному отрезку) связанные с Омском и Омской областью. Указанный период – вторая половина XX века – определенный исторический отрезок времени, годы советской власти после победы в Великой Отечественной войне, 1945 – 1991.

Географические и временные рамки предстоящего исследования, в основе которого «дух Места» («genius locus») – омские «корни» литературно-исторического наследия авторов второй половины XX века, особая связь с территорией, с которой связано творчество, где получена «путевка в жизнь».

Представим наследие омичей в хронологии биографических дат, разделяя по принципу – Россия / эмиграция; а также писатели-поэты / критики-литературоведы.

Иванов Всеволод Вячеславович (1895–1963), писатель, драматург. Юность прошла в Западной Сибири. Жил в Омске, Кургане, Новониколаевске. С 1915 года печатался в газетах. Первая книга («Рогульки», 1919) набрана и напечатана им самим в типографии омской газеты «Вперёд». С 1917 года участвовал в революционном движении. С 1921 года жил в Петрограде,

позднее – в Москве. Во время Великой Отечественной войны находился в эвакуации в Ташкенте, фронтовым корреспондентом газеты «Известия» дошёл до Берлина. Ряд произведений писателя экранизирован. Часть литературного наследия опубликована уже после смерти писателя (антиутопия «У», романы «Кремль», «Проспект Ильича»). Последний, если бы был опубликован, когда написан – весной 1943 года – мог стать первым произведением о войне. Но цензурные претензии настолько осложнили путь к читателю, что публикация так и не состоялась. О вариантах и первой редакции романа – в журнале «Сибирские огни» (2016, № 7). Ждёт своих исследователей изучение имеющихся редакций исторической пьесы «Левша».

Мартынов Леонид Николаевич (1905–1980), советский поэт, переводчик. Прожил первую половину жизни в Омске. Началом «настоящей литературной известности» поэт называл публикации своих поэм «Правдивая история об Увенькае, воспитаннике азиатской школы толмачей в городе Омске» и «Тобольский летописец» в «Сибирских огнях» в 1936 году, основанные на документальных событиях. Неполный список поэм и публикаций («Ермак», «Пленный швед», «Рассказ о русском инженере», «Рассказ про мастерство», «Баллада про великий путь», «Домотканная Венера», «Искатель рая», «Сказка про атамана Василия Тюменца», «Дневник Шевченко», «Крепость на Оми») указывает на значительный объем подготовительной работы. Выявлению круга литературно-исторических источников, изученных поэтом при написании своих произведений, посвящены исследования, подтверждающие его «скрупулезную точность в использовании исторических фактов» [1]. В 1946 году переехал в Москву, переводил на русский язык стихотворения английских, чешских, чилийских, венгерских, литовских, польских, французских, итальянских, югославских и других поэтов. Активно издавался, написал книги о родном городе, Сибири начала XX века и современности. Воспоминания Л. Мартынова – «Воздушные

фрегаты», «Черты сходства», «Стоглав» – уникальная мемуарная проза, передающая дух старого Омска, объединённая единым авторским замыслом.

Юрасова Мария Климентьевна (1913–2003), автор книги «Омск» – одного из первых изданий о городе, известна также другими краеведческими книгами о Прииртышье, соседних регионов, обращалась и к исторической прозе. Посвятив всю свою жизнь литературной деятельности, Мария Климентьевна изучала историю Сибири по первоисточникам, архивным документам и древним книгам. Так создавалась её последняя работа «Повесть о Тобольском Летописце» («Наследство»), авторе Сибирской (Черепановской) летописи, архитекторе-самоучке, строителе первого каменного здания в Омской крепости – Воскресенском соборе [3, с. 113]. Повесть, без сомнения, имеет значительный краеведческий потенциал, публиковались лишь отдельные главы. Омский государственный литературный музей имени Ф.М. Достоевского в 2016 году подготовил повесть к публикации в электронном издании – сборнике «Омский литературный музей. Тексты. Материалы. Исследования. Выпуск 3», представленном на сайте музея.

Поисковая работа в архивах и библиотеках (местных и столичных) приводит к интересным и точным краеведческим находкам. В 2015 году в Государственном историческом архиве Омской области, Российской национальной библиотеке, других архивохранилищах найдены интересные факты из биографии писателя Ребрина Петра Николаевича (1915–1987), подготовившего в 1951 году в соавторстве с Л.И. Лодгаузом-Прокопенко и Б.А. Малочевским книгу «Чудесная цепь» об омском изобретателе А.П. Костикове-Алмазове [4, с. 133]. Имя сибиряка Алексея Петровича Костикова-Алмазова, участника Всемирной выставки в Париже (1889), достойно внесения в российские энциклопедические и краеведческие справочники. В творчестве П.Н. Ребрина – очерках «Свет от людей», «Головырино, Головырино...», «Тюкалинские страницы» и других, романе

«Родион и Степанида» – правдиво отражён быт сибирской деревни, трудности и невзгоды простых людей в период «расцвета» советского государства.

Рожков Виктор Петрович (1920 – 2006), сибиряк по рождению, много лет прожил в Омске. Книги автора – об историческом прошлом, на основе исторических фактов и древних архивных источников, издавались малыми тиражами и почти неизвестны широкому читателю. «Срочный рейс» (1958) – о буднях иртышских речников. Повесть «Черный туман» (1961) на основе ненецких народных преданий рассказывает о похищении древних охотничьих талисманов племени нях-самар-ях (соболиное племя). Приключенческая повесть «Чикмазовы самоцветы» (1989) о фанатичных последователях древней чикмазовой секты. Повесть «Аввакумова тень (Фиче)» (1993) рассказывает о сподвижнике и тайном ученике протопопа Аввакума, Филофее Черемных, создателе староверческого единственного в своём роде трёхступенчатого шифра, названного по первым слогам его имени и фамилии. Военно-приключенческий роман-легенда «Паруса на горизонте» опубликован в журнальном варианте уже после смерти писателя.

Трилогия В.П. Рожкова, которую объединяет образ владыки Киприана, первого архиепископа Сибирского и Тобольского, никогда не публиковалась единым изданием. Первая книга трилогии – «За морем Мангазея» (1987), рассказывает о полуполюбопытном городе, исследует характер, быт, сложные взаимоотношения сибирской знати и коренного народа – ненцев. Вторая книга – «Киприанов след» (2001 – 1 издание, 2003 – 2-е издание) рассказывает о жизни пастыря, дипломата и историка, писателя и поэта, без остатка отдавшему жизнь служению Церкви и России. Второе издание состоялось в Москве по благословению патриарха Алексия II. Отмечена уникальность книги, «открывающей по сути дела новый литературный жанр церковно-исторического повествования». В заключительной части трилогии – повести «Наследники Киприана» – рассказывается о первых паломниках, миссионерах, землепроходцах – последователях архиепископа, дошедших до

тихоокеанского побережья России. В повести приводятся неизвестные сведения о далёком прошлом Югории или Югры, в древности страны гиперборейцев (аримаспов). Журнал «Сибирские огни» (при содействии музея и с разрешения наследников писателя) во втором полугодии 2017 года впервые представил этот заключительный роман трилогии на суд читателя.

Бударин Михаил Ефимович (1920–2003) доктор исторических наук, профессор, писатель, журналист, драматург. Разработал лекционные курсы по истории региона, истории сибирского казачества, истории немцев в Сибири и России, историческому краеведению, изучал малоизвестные факты и события, о в том числе о забытых и оклеветанных людях – Г. Мачтете, У. Кармалюке, М. Бочкарёвой и др. Написал пьесы «Ермак», «Сказание о Таре» («Кучум»), «Живой ключ», «Ущелье шаманов», сценарии документальных телефильмов по истории Сибири – «Человек, о котором сложили песню» (о П. Дьякове), «Золотой запас республики» [5, с.50-51].

В Омске учился и опубликовал свои первые книги Сергей Павлович Залыгин, его рассказы и очерки рассказывают о буднях сибирской провинции, появлении советской научной интеллигенции.

С Омском связаны биографии и творчество Н.И. Анова, Г.М. Маркова, С.Н. Маркова, А.М. Плетнева. Документальные очерки М.М. Малиновского, И.И. Подковки, М.С. Шангина, И.Ф. Петрова, Б.С. Гвоздева описывают факты сибирской истории. Историко-краеведческие работы А.Ф. Палашенкова, В.И. Кочедамова, М.П. Журавлева, посвященные Омску, Сибири, являются признанными трудами, они изучаются современными исследователями.

В числе известных имён русской эмиграции отметим двух авторов, чья жизнь была связана с Омском и областью.

Гребенщиков Георгий Дмитриевич (1882–1964), родился на Алтае, в 1908 году жил в Омске, редактировал газету «Омское слово». Долгая жизнь в эмиграции (с 1920 года) была насыщенной и плодотворной. Литературное наследие автора ещё только открывается читателем. К мемуарной прозе

отнесем 12-титомный роман «Чураевы», последний роман «Егоркина жизнь». Богатейший архив писателя вернулся на родину. Рукописные воспоминания, которые автор начал писать ещё в 1920-е, заканчивал в 1950-е, выпущены земляками отдельной книгой «Моя Сибирь» (Барнаул: ГМИЛИКА, 2002).

«Это труд всей жизни Гребенщикова, итог восхищённых раздумий о малой родине, об алтайской земле, на которой прошли детские, юношеские и зрелые годы. Сибирь у Гребенщикова произрастает из сурового Алтая. <...> на его страницах сохраняется налёт излишней этнографии, поначалу даже сухие цифры экономики, которые, по замыслу автора, помогают читателю сравнивать прошлое и настоящее и совершать экскурс в сибирскую историю. Зато завершается книга гимном Алтаю, его поднебесной красоте, щедро рассыпанной в горах и низинах, всегда юной Катуню и белоглавой царице Белухе, сияющей короной снегов под вечным солнцем. Первоначально замысел большого литературного труда родился именно из небольшого повествования об Алтае. Писатель назвал его "Алтай – жемчужина Сибири". <...> Несколько позже, в 1930-е годы, <...> появилась ещё одна отдельная глава "Жемчужина Сибири", а затем, спустя десяток лет, – "Сибирь – Страна великого будущего". Причём последняя публикация суммировала опыт многочисленных лекций Гребенщикова о Сибири, которые он сотнями и даже тысячами читал по всей американской Руси, от Атлантического до Тихого океана (в Калифорнии обосновалась огромная колония русских эмигрантов из Азии) [2].

Пантелеймонов Борис Григорьевич (1888–1950), уроженец с. Муромцево Омской области. Химик. Успешная химическая деятельность в СССР прервалась, когда в конце 1920-х годов он уехал за границу. В последние годы жизни в Париже, «забросив» химию, начал писать о своей малой родине, Сибири. Циклы рассказов «Приключения дяди Володи», «Урман», «Молодые глаза», повести «Менделеев», «Маклаево братство», «В Зыри белоглазой», «Гэто-цыган», «Деревня» и другие литературные и

публицистические произведения – проза вклад автора в омскую и российскую литературу – по сути, являются мемуарной и исторической прозой. Собрание сочинений Б.Г. Пантелеймонова в 3-х томах, изданное Министерством культуры Омской области, в 2014 году отмечено премией Губернатора Омской области в сфере культурно-досуговой деятельности.

Творчество омских писателей-литературоведов – кладезь ценных сведений о современном литературном процессе и исторических фактах прошедших веков. Утков Виктор Григорьевич, Беленький Ефим Исаакович, Шик Эдмунд Генрихович, Поварцов Сергей Николаевич, Лейфер Александр Эрахмиэлович оставили нам своим творчеством пример подвижнического многолетнего труда и восторженную преданность литературе, слову, любви к родной земле, её истории.

Основные сюжеты по истории Сибири в произведениях омских авторов: интервенция и гражданская война, «белое движение», роль «третьей столицы», быт и обычаи жителей городов и сибирской деревни, советские пятилетки, трудовые будни, развитие городов, становление советской культуры, политической системы, российской многопартийности, воспитание молодежи. Из многообразия тем складывается тот объем информации, составляющий круг краеведческих интересов гражданина и патриота, что называют также – родиноведением, краелюбием, отчеведением, воспитывающим гордость за свою родину, Отечество, Россию.

Литература:

1. Петрова З.А. Исторические поэмы Леонида Мартынова (Взаимодействие литературно-исторического материала и художественного вымысла). – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Л., 1983.
URL:<http://www.dissercat.com/content/istoricheskie-poemy-leonida-martynova->

vzaimodeistvie-literaturno-istoricheskogo-materiala-i- (дата обращения:
20.12.2013)

2. Росов В.А. Предисловие к книге Г.Д. Гребенщикова «Моя Сибирь» // Гребенщиков Г.Д. Моя Сибирь. – Барнаул: ГМИЛИКА, 2002. – С. 10-12.

3. Махнанова И.А. Тарское Прииртышье в фондах Омского государственного литературного музея имени Ф.М. Достоевского (из личных фондов Б.Г. Пантелеймонова, М.К. Юрасовой) // Материалы VII региональной научно-практической конференции «Вагановские чтения», посвященной 420-летию со дня основания города Тары (г. Тара, 14-15 марта 2014 года). – Омск, 2014. – С. 109-115.

4. Махнанова И.А. Несправедливо забытые: изобретатель Алексей Петрович Костиков-Алмазов и факт биографии писателя П.Н. Ребрина // Материалы VIII региональной научно-практической конференции «Вагановские чтения», посвященной 85-летию со дня основания Тарского бюро краеведения (г. Тара, 11-12 марта 2016 года). – Омск, 2016. С. 131-134.

5. Профессора Омского государственного университета: Биографический справочник / Сост: А.В. Ремнёв, И.А. Речкина; Отв. ред. А.В. Ремнёв. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. – 282 с. (Труды учёных Омского университета. Сер.: Словари и справочники. – Том 1).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ С УЧРЕЖДЕНИЯМИ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ

Сотрудничество учреждений культуры Омского Прииртышья (на примере Областной научной библиотеки и Литературного музея)

Каткова Е.И.

Перед всеми учреждениями культуры – библиотеками, театрами, музеями, клубами – стоят общие задачи по формированию и развитию культурного пространства региона посредством научно-просветительской и культурно-досуговой деятельности. В этом контексте представляет интерес взаимодействие областной научной библиотеки и литературного музея. Омская государственная областная научная библиотека им. А. С. Пушкина и Омский государственный литературный музей им. Ф. М. Достоевского стали сотрудничать задолго до официального открытия музея. История неоднократных попыток местной интеллигенции создать в Омске литературный музей восходит к 1920-м гг. и подробно освещена в публикациях Ю.П. Зародовой [5]. Не осталась в стороне от этого процесса и Библиотека: в 1968 г. её представители (вероятнее всего директор Е.Г. Хребтова) вошли в инициативную группу по созданию Литературного музея. Как известно, летом 1968 г. Омск по приглашению А.Ф. Палашенкова посетил А.Ф. Достоевский, приехавший оказать помощь в организации музея, посвящённого его знаменитому деду. Заметим, что об этом визите не было ни единого упоминания в местной печати того времени, о чём с горечью пишет А. Лейфер в своём очерке «На добрый воспомин» [11, с. 270-271]. За трёхдневный визит А. Ф. Достоевский успел побывать в краеведческом музее, на квартире А. Ф. Палашенкова, в редакции газеты «Омская правда», но мало кто знает, что Андрей Фёдорович побывал и в областной библиотеке, где состоялся его вечер-встреча с заинтересованными омичами. Сведения о

посещении А. Ф. Достоевским «Пушкинки» сохранились только в библиотечных документах. В отчёте о работе Библиотеки за 1968 г. кратко сообщается о прошедшей встрече, но никаких её деталей не приводится [13, с. 252]. А вот в отчёте за 1971 г. подробно рассказывается о прошедшем в «Пушкинке» вечере, посвящённом 150-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского. В ходе этого мероприятия режиссёр Омского театра драмы М. М. Иловайский рассказал о своих встречах с внуком великого писателя А. Ф. Достоевским и продемонстрировал магнитофонную запись его выступления на литературном вечере-встрече в Библиотеке в 1968 г. [3, с. 104]. Также в год 150-летия со дня рождения Ф. М. Достоевского в газете «Омская правда» появилось открытое письмо местной интеллигенции о необходимости создания постоянной экспозиции о великом русском писателе в доме бывшего коменданта Омской крепости. В письме подчёркивалось, что к созданию экспозиции необходимо привлечь все заинтересованные учреждения: писательскую организацию, государственный архив, областную научную библиотеку и другие. Под письмом, в числе прочих, стояла подпись директора «Пушкинки» Е. Г. Хребтовой [8]. Процесс создания Литературного музея затянулся на долгие годы, неоднократно менялся его тематико-экспозиционный план. Всё это время сотрудники музея постоянно вели исследовательскую работу в местных и центральных архивах, в областной научной библиотеке, разыскивая недостающие или неизвестные ранее сведения о поэтах и прозаиках, чьи жизни и творчество были в той или иной степени связаны с Омском. В этом им активно помогали библиографы «Пушкинки», особенно на заключительном этапе подготовки музея к открытию его первой экспозиции, состоявшегося 28 января 1983 г. [7, с. 25].

В дальнейшем сотрудничество Библиотеки и Музея развивалось по нескольким направлениям. Прежде всего, отметим взаимное приглашение музейщиков и библиотекарей на свои вечера, выставки, презентации, юбилеи и другие события. Так, ещё до официального открытия Литературного музея,

один из его создателей, первый заведующий литературным отделом Омского историко-краеведческого музея А. Э. Лейфер принял участие в юбилейном литературно-музыкальном вечере, посвящённом Ф. М. Достоевскому и прошедшем в «Пушкинке» в ноябре 1981 г. Последним по времени примером является приглашение директора музея В. С. Вайнермана в театр «Арлекин» на торжественный вечер 10 февраля 2017 г., приуроченный к 110-летию Библиотеки.

Одним из важнейших направлений сотрудничества является научно-исследовательская деятельность. Работники Литературного музея при подготовке экспозиций, собственных изданий и публикаций постоянно обращаются к краеведческому каталогу и фондам «Пушкинки». В свою очередь и библиотекари прибегают к помощи музейщиков. Яркой иллюстрацией такого сотрудничества является участие В. С. Вайнермана в подготовке и публикации ретроспективного библиографического указателя «Годы, прошедшие не бесплодно: «Достоевский и Омск». Виктор Соломонович выступил в качестве консультанта, автора вступительной статьи и рецензента издания. Отметим также, что составитель указателя получил возможность работать с книгами из музейной библиотеки, которых не было в фонде «Пушкинки». В результате библиографические описания этих изданий появились не только в указателе, но и в краеведческом каталоге библиотеки [10]. Ещё одним аспектом исследовательского направления является участие сотрудников Библиотеки и Музея в научно-практических конференциях, организуемых этими учреждениями культуры. Первоначально роль Библиотеки состояла в подготовке тематических книжно-иллюстративных выставок, а также в предоставлении помещений для проведения пленарных и секционных заседаний. Например, в октябре 1991 г. в Библиотеке состоялось торжественное открытие Всесоюзной конференции «Достоевский и мировая художественная литература», а также прошла премьера книги В. С. Вайнермана «Достоевский и Омск». Затем, начиная с 2000-х гг., сотрудники

«Пушкинки» стали полноправными участниками конференций, организованных Литературным музеем, освещая такие темы как «круг чтения Ф. М. Достоевского в Омске» [14], «восприятие Г. Вяткиным идей Ф. М. Достоевского» [9] и другие. В свою очередь сотрудники музея приняли участие в «Дравертских чтениях», впервые проведённых Библиотекой в 2014 г., где выступили с докладами «Первая поэтическая книга, изданная в Омске» [6] и «Коллекция экслибрисов «Есенианы» И. А. Синеокого» [12].

Остановимся также на участии Библиотеки и Музея в двух издательских проектах. Первый из них – совместное начинание Правительства Омской области и издательского дома «Воскресенье» по подготовке и изданию полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского в 18 томах, которые вышли из печати в 2003-2005 гг. К работе над этим изданием были привлечены филологи из ОмГУ, сотрудники Литературного музея и областной научной библиотеки. Музейщики и библиотекари помогали подбирать иллюстративный ряд к сибирским произведениям Ф. М. Достоевского, выполняли разного рода справки, а директор Музея В. С. Вайнерман стал автором комментариев к третьему тому полного собрания сочинений и статьи «Омская каторга Достоевского» [1]. Второй проект – подготовка и издание собрания сочинений сибирского поэта и прозаика Г. А. Вяткина в 5 томах (2005-2012). Этот замысел был осуществлен силами Государственного архива Омской области и «Пушкинки». В частности, при выявлении произведений Г. Вяткина были использованы фонды Библиотеки, проведён круглый стол по проблемам издания и изучения творческого наследия поэта, а заведующая отделом редкой и ценной книги Л. Г. Пономарева вошла в рабочую группу и подготовила примечания к первому тому собрания сочинений. Отметим, что одним из авторов вступительной статьи к этому же тому стала сотрудник музея Ю. П. Зародова [15].

Следует также упомянуть о таком направлении деятельности Библиотеки, как выявление публикаций, посвящённых различным аспектам

деятельности Литературного музея (его истории, фондам, выставкам, экскурсиям, публикациям сотрудников и т. д.), их библиографическое описание и включение в справочно-библиографический аппарат, прежде всего в краеведческий каталог. На сегодняшний день в карточном варианте каталога собрано свыше 420 библиографических записей, в электронном – более 540. Разница объясняется тем, что пользователь электронного каталога имеет возможность увидеть не только основные публикации, но и те, где Музей только упоминается. Читатель, обратившийся к традиционному варианту каталога, должен будет искать карточки с упоминаниями в разных его разделах.

Наконец, в 2016 г. впервые принял участие в акции «Библиночь», проведённой в «Пушкинке», заслуженный работник культуры РФ, директор Музея В. С. Вайнерман. Он выступил на площадке информационно-библиографического отдела «Достоевский и Омск», где были представлены книжно-иллюстративные выставки, экспозиция картин и макетов по мотивам «Записок из Мёртвого дома», интерактивная фотозона «Кабинет Ф. М. Достоевского». Выступление Виктора Соломоновича было посвящено третьему изданию его книги «Поручаю себя Вашей доброй памяти...» [2], то есть омским страницам жизни Ф. М. Достоевского. Свидетельством интереса публики к его рассказу служит поведение трёх молодых людей, зашедших в отдел «на минутку», и оставшихся до окончания выступления, а также приобретение посетителями нескольких экземпляров книги.

Хотелось бы также упомянуть и такой вид сотрудничества, как комплектование фондов. Издательская продукция Литературного музея (путеводители, монографии, сборники статей и т. п.) как бесплатный обязательный экземпляр регулярно поступают в фонд Библиотеки на вечное хранение, активно используются при подготовке тематических выставок, пользуются спросом у разных групп читателей. Точно также издания

«Пушкинки», посвящённые омским писателям и, конечно, Ф. М. Достоевскому, обязательно передаются Музею.

Таким образом, сотрудничеству Омской государственной областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина и Омского государственного литературного музея им. Ф. М. Достоевского в 2018 г. исполнится полвека. Оно имеет глубокие корни и будет продолжаться, способствуя развитию культурного пространства г. Омска и всего региона.

Литература:

1. Вайнерман В. Омская каторга Достоевского // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 18 т. – М., 2003. – Т. 3: Произведения 1850-1862 гг. – С. 596-607.

2. Вайнерман В. С. «Поручаю себя Вашей доброй памяти...»: (Ф. М. Достоевский и Сибирь). – [Изд. 3-е, испр. и доп.]. – Омск: Наука, 2014. – 390с.

3. Годовой отчёт о работе библиотеки за 1971 год // ГИАОО. Ф. 1956. Оп. 1. Д. 233.

4. Годы, прошедшие не бесплодно: (Ф. М. Достоевский и Омск): указ. лит. за 1860-2002 гг. / Ом. гос. обл. науч. б-ка им. А. С. Пушкина. – Омск, 2006. – 543 с.

5. Зародова Ю. П. Нелегкий путь от рождения экспозиции до открытия музея // Архивный вестник. – Омск, 2000. – № 8. – С. 115-121; Зародова Ю. Первый в Сибири, единственный в мире: Ом. гос. лит. музей им. Ф. М. Достоевского. История создания // Голоса Сибири. – Кемерово, 2005. – Вып. 1. – С. 444-476; Зародова Ю. Первый в Сибири // Достоевский и Омск: диалог через века. – Омск, 2011. – С. 66-83.

6. Зародова Ю. П. Первая поэтическая книга, изданная в Омске (Н. В. Феокистов. Стихи, 1913) // Дравертские чтения: материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 135-летию со дня рождения П. Л. Драверта (г. Омск, 25 ноября 2014 г.). – Омск, 2015. – С. 179-184.

7. Зародова Ю. П. Труды и дни Литературного музея // Омский литературный музей. Тексты. Материалы. Исследования. – Омск, 2014. – Вып.

8. К юбилею великого писателя // Ом. правда. – 1971. – 20 июня.

9. Каткова Е. И. Георгий Вяткин и Ф. М. Достоевский: взгляд библиографа // Сибирь литературная. XVIII-XXI: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 23-24 мая 2014. – Омск, 2014. – С. 118-123.

10. Каткова Е. И. Указатель «Годы, прошедшие не бесплодно: (Ф. М. Достоевский и Омск)» в аспекте сотрудничества Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина и Омского государственного литературного музея имени Ф. М. Достоевского // Литературное наследие Сибири: сб. материалов обл. науч.-практ. конф., посвящ. 165-летию со дня рождения Н. М. Ядринцева, 18-19 окт. 2007 г. – [Омск], 2007. – С. 26-29.

11. Лейфер А.Э. Жить вместе: избр. очерки и эссе. – Омск, 2013. – 383 с.

12. Махнанова И. А. Коллекция экслибрисов «Есенианы» И. А. Синеокого (из фондов Омского государственного литературного музея имени Ф. М. Достоевского) // Дравертские чтения: материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 135-летию со дня рождения П. Л. Драверта (г. Омск, 25 ноября 2014 г.). – Омск, 2015. – С. 211-215.

13. Отчёт о работе Омской областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина за 1968 г. – Место хранения ОГОНБ им. А. С. Пушкина.

14. Пономарева Л. Г. Круг чтения Ф. М. Достоевского в Омске // Ф. М. Достоевский и мировой литературный процесс: материалы Междунар. конф., посвящ. 185-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского, 14-15 нояб. 2006 г. – Омск, 2007. – С. 65-81.

15. Штерн М. «Мне хотелось вам сказать так много...»: (жизнь и творчество Г. А. Вяткина) / М. Штерн, Е. Петрова, Ю. Зародова // Вяткин Г. А. Собрание сочинений: в 5 т. – Омск, 2005. – Т. 1: Стихотворения. Поэмы (1907-1938). – С. 7-43.

Самодеятельная художница В.Н. Чепкина

Гуселетова Т.В.

Фонды Большереченской картинной галереи богаты работами ведущих омских художников, но, к сожалению, художники нашего поселка представлены лишь единично. Открытие нового имени, пополнение фондов новыми работами жителей поселка всегда так значимо для нас, поэтому приятно было получить в дар два рисунка нашей землячки, самодеятельной художницы Валентины Николаевны Чепкиной и организовать ее первую персональную выставку.

Когда знакомишься с творчеством художника, сразу вспоминаются строки Константина Бальмонта: «Бог создал мир из ничего.// Учись, художник, у него, -// И если твой талант крупца,// Соделай с нею чудеса,// Взрасти безмерные леса// И сам, как сказочная птица,// Умчись высоко в небеса,// Где светит вольная зарница, //Где вечный облачный прибой// Бежит по бездне голубой» [1, с. 119]. А рассказ мой пойдет об удивительном явлении в нашей жизни – самодеятельном художественном творчестве.

«Родилась во мне охота к малеванию красками. Никогда я еще не малевал оными: а когда вздумалось учинить тому опыт, срисовал с самого себя портрет», – писал осенью 1763 г. в своем дневнике тульский дворянин Андрей Болотов [2].

Прошло более двух с половиной столетий, а «охота к малеванию красками» продолжает одолевать и наших современников. Самодеятельный художник вполне осознанно стремится усвоить приемы и образы профессионального искусства. Поэтому для занятий самодеятельным творчеством необходимо желание, усердие и, пожалуй, ничего более.

Сотрудники Большереченской картинной галереи познакомились с Валентиной Николаевной Чепкиной весной 2016 г. В это время в галерее

проходил необычный проект «Арт-мастерская. Нарисуем выставку вместе». Учащимся художественного отделения Большереченской детской школы искусств и всем желающим было предложено создать копию гуашью одного из натюрмортов, хранящихся в фондах галереи. Увидев у входа объявление об этом проекте, Валентина Николаевна решила поучаствовать. Выбрала для копирования очень яркую, декоративную работу омского художника Юрия Алексеевича Овчинникова «Тюльпаны». Тут обнаружилось, что рисовала она, в основном, до этого цветными карандашами, хотя эта графическая техника считается одной из самых сложных. Впервые обратившись к гуаши, Валентина Николаевна создала маленький шедевр, показав удивительное чувство цвета и фактуры. Эта техника ее так увлекла, что в июне 2016 года в нашей галерее к её 70-летию мы смогли провести персональную выставку самодеятельной художницы, назвав её «Души тепло и нежность».

Валентина Николаевна Чепкина родилась в первый послевоенный год. Родители ее познакомились в Омске, работая в войну на Омском поршневом заводе. Но в 1954 году уехали жить в деревню Берёзовка, что в Оконешниковском районе. Здесь же Валентина Николаевна училась сначала в четырехклассной школе, а потом в восьмилетке в Золотой Ниве. Затем поступила в Омское медицинское училище, получив в 1967 году специальность фельдшера-лечебника. В этом же году вышла замуж за большереченца Виктора Дмитриевича Чепкина, учившегося в физкультурном институте.

С тех пор вся жизнь Валентины Николаевны связана с Большеречьем. Это и первая ночная смена молоденькой акушерки в роддоме, и самостоятельная работа на терапевтическом приеме в поликлинике, и на скорой помощи.

Рисовала Валентина Николаевна с детства, в школе участвовала в редколлегии. Учительница рисования научила её копировать по клеткам. В училище тоже сразу заметили способности Вали, посоветовали поступить в

студию. Но обучение было платным, и позволить себе его она не смогла. Продолжала рисовать для себя, занималась различными рукоделиями.

И интересный поворот судьбы – три года работы художником-оформителем на мясокомбинате. В 1975 году после создания макета крейсера «Аврора» для праздника, Валентину Николаевну пригласил Матузов В.С., бывший в то время директором мясокомбината. Затем снова районная больница, где Валентина Николаевна стала трудиться уже медицинским статистиком. Работа кропотливая, требующая усидчивости, терпения и внимательности. И еще раз творчество позвало Валентину Чепкину – в 1992 году Казанцева Л.Ф. уговорила ее перейти на работу в культурно-досуговый комплекс «Старина Сибирская», где снова три года Валентина Николаевна работала в мастерских комплекса, научилась ткачеству и русской вышивке. Но вновь вернулась и уже окончательно в больницу, где работала до ухода на пенсию в 2005 г. За годы работы оформила Валентина Николаевна Чепкина множество выставок и праздников, пела в хоре и даже играла на балалайке в ансамбле. Работа эта, конечно, не оплачивалась, но отказываться не хотелось, всю жизнь душа лежала к творчеству.

На пенсии появилось больше времени и рисование стало любимым хобби. Валентина Николаевна работала только простыми и цветными карандашами, немного пробовала акварель. Участвовала в различных конкурсах, в 2014 году получила ГРАН-ПРИ за активное участие в областном конкурсе рисунков «900 дней мужества», посвященном 70-летию снятия блокады Ленинграда.

Первая её выставка «Души тепло и нежность» представила графические работы Валентины Николаевны Чепкиной разных лет. В основном это копии с понравившихся рисунков, фотографий, книг. Тематика – родной край, родные места, любимая природа. Сделаны они с большой любовью и тщательностью, хорошим чувством цвета. Валентина Николаевна работает медленно, старательно и терпеливо подбирает цвета.

Выставка прошла с большим успехом, на открытии было тесно в большом зале галереи. Приходили жители поселка и удивлялись тому, какой талантливый человек живет совсем рядом. За три месяца работы выставку посетило более 650 человек. В простой школьной тетради появилось множество отзывов[3]. Самые ценные – слова большереченских жителей. Вот фрагмент из отзыва Новиковой Н.И.: «Валентина Николаевна, милая и дорогая. Я не ожидала, что вы так превосходно рисуете!!! Просто мастерски, на зависть пишете!!!». Гилевская В.С. пишет: «Неописуемая красота – все превращено в такую самую красивую волшебную сказку, все переливается яркими, чистыми красками. Здесь можно себя представить в березовом лесу, постоять на берегу, полюбоваться закатом на реке, походить по снегу, полюбоваться родным Иртышом». «Валентина Николаевна! Здорово! Продолжайте в том же духе, ведь в 70 лет талант начинает расцветать! С радостью за Вас, Ваш успех! Верхозина». Эти пожелания уже сбываются, прошел всего год, а Валентина Николаевна освоила живописные техники, ей покорились акриловые и масляные краски. Надеюсь, что скоро в Большереченской галерее откроется новая замечательная выставка самодеятельной художницы В.Н. Чепкиной.

В заключение мне хочется привести шуточные строки нашего местного жителя Чепкина А.Д.: «Валентина, Валентина, // Нарисована картина, // Ведь тебя и там и тут // Валеи-маленькой зовут, // Ну а мы со всей душой // Будем звать тебя БОЛЬШОЙ! // [4]».

Литература:

1. Русская поэзия начала XX века: (Дооктябрьский период). – М.; Советская Россия, 1988. С. 384.
2. Наивное искусство - [URL:https://lenta.co/naivnoe-iskusstvo-146088/](https://lenta.co/naivnoe-iskusstvo-146088/) (дата посещения 6.09.2017).
3. Из архива В.Н. Чепкиной.
4. Там же.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ И КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ВЫСТАВОЧНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Использование ИТК во внеурочной деятельности: воспитание патриотизма на краеведческом материале

Восквицова Т.Н., Дрозд С.Н.

Школа становится очагом духовной жизни, если учителя дают интересные и по содержанию, и по форме уроки... Но замечательные блестящие уроки есть там, где имеется еще что-то замечательное, кроме уроков, где имеются и применяются самые разнообразные формы развития учащихся вне уроков.

В.А. Сухомлинский

В условиях равнодушного отношения к истории и культуре своей страны на государственном уровне пришло понимание того, что в РФ без четкой концепции воспитания молодежи невозможно формирование у детей патриотизма, чувства гордости за свою Родину, готовности к защите интересов Отечества, ответственности за будущее России. В 2016 году утверждена Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы», которая, являясь обновлённым вариантом ранее принятых государственных программ патриотического воспитания граждан Российской Федерации, «сохраняет непрерывность воспитательного процесса, направленного на формирование российского патриотического сознания в сложных условиях экономического и геополитического соперничества» [1, с.4].

Если патриотизм начинается с интереса к культуре и истории родного края, с любви к «малой родине», то нельзя не использовать огромный воспитательный потенциал регионального материала.

В настоящее время частью молодежной культуры являются информационные технологии, которые процесс изучения родного края делают более привлекательным. Их педагогические возможности используются нами достаточно активно во внеурочной деятельности. Привлечение студентов к

созданию видеороликов краеведческой направленности способствует активному проявлению патриотических чувств к малой родине, пониманию молодыми людьми того, что именно они несут моральную ответственность за ее будущее.

Начало такой работе положил ролик «Путешествие в зимнее царство Тимофея Белозерова», потом были созданы проекты «Взрослые дети войны» и «Родом из детства». Ролик «Взрослые дети войны», снятый в залах Музейного комплекса воинской славы омичей, рассказывал об Омске военной поры, о вкладе детей в победу. В фильме «Родом из детства» была представлена экранизация стихотворения, написанного студентом ОПЭК и посвященного Р. Рождественскому. В 2016 году создан очередной проект «Четыре года в Омске: штрихи биографии Ф.М. Достоевского». Все видеоматериалы были отмечены дипломами 1 и 2 степени на областных и всероссийских конкурсах, а также специальной наградой в номинации «Лучшая экранизация стихотворения».

В феврале 2018 года исполняется 110 лет со дня рождения Александра Моисеевича Малунцева. Нефтехимическое отделение колледжа представляет к этой знаменательной дате фильм «Эпоха А.М. Малунцева», целью которого является знакомство с личностью и деятельностью человека, оставившего заметный след в истории Омска.

О необходимости таких материалов, представленных в фильме, говорит анкетирование, проведенное среди студентов. В нем приняли участие 118 человек. На вопрос «Какой вклад внес А.М. Малунцев в развитие нашего города?» только 14% опрошенных указали, что Малунцев «основал Нефтяники», «основал нефтезавод», «при помощи его развивался нефтезавод», «как-то связан с заводом», «директор чего-то», «построил улицу Малунцева и завод», «внес вклад в экономическое развитие города». Количество правильных ответов вызывает недоумение и удивление: напротив главного корпуса колледжа стоит стела, на которой, помимо барельефа

Малунцева, высечено: «Улица А.М. Малунцева названа в честь выдающегося организатора нефтеперерабатывающей промышленности страны, первого директора Омского нефтезавода». Некоторые студенты (18%), не зная точного ответа на вопрос, предполагали: «возможно, сконструировал улицу», «область искусства», «из-за него есть ДК», «в честь его имеется улица и КДЦ», «развивал образование», «участвовал в развитии молодежи», «был чиновником», «работал начальником», «знаю, что очень добрый и отзывчивый был человек», «я живу на улице Малунцева, 6, кв.9, но не знаю, где живет он». Почти 50% респондентов не ответили на этот вопрос. На вопрос «Какое отношение к А.М. Малунцеву имеет колледж?» только два человека (1%) написали, что «колледж готовил рабочих для нефтезавода», «колледж был училищем №56 и выпускал рабочих», 3% – «лучшие студенты получают стипендию имени Малунцева»; 47% ответили, что «колледж стоит на пересечении улиц Нефтезаводской и Малунцева», «рядом с ОПЭКом памятник», «на остановке Малунцева», 26% отвечали неопределенно и неправильно: «что-то сделал для колледжа», «он его основал», «если есть анкетирование, значит, он что-то для колледжа сделал», «положительное», 4 человека (3%) полагают, что он «учился в колледже». На вопрос «Хотели бы вы больше узнать о Малунцеве?» нами были получены ответы от «да», «конечно, хочу», «естественно, да», «возможно», «почему бы и нет», «50 на 50» (68%) до «не особо», «нет», «нет, конечно», «без разницы» (32%). Следует отметить, что 34% студентов оценили свои знания по истории города как «хорошие», 37% – как «средние» и 29% – как «плохие». Один ответ носил оценочный характер: «мне стыдно, что я так плохо знаю историю города» и 8 человек (7%), оправдываясь в незнании, написали: «я не местный», «я недавно приехал», «я из Казахстана».

Анализ ответов наглядно продемонстрировал низкий уровень знаний о Малунцеве. Участники проекта, которым были известны только самые общие

факты о деятельности А.М. Малунцева в нашем городе, практически ничем не отличались от большинства опрошенных.

Работа над проектом шла с апреля по сентябрь 2017 года. Она началась с изучения биографии А.М. Малунцева. Большую помощь на начальном этапе оказали сотрудники Омской государственной областной научной библиотеки имени А.С. Пушкина. Это был большой, кропотливый труд, необходимая информация собиралась почти по крупицам. С наибольшими трудностями мы столкнулись, когда искали материалы о семье А.М. Малунцева, поскольку хотелось показать его как человека многогранного. Нами – студентами и руководителями – были прочитаны книги местных писателей-краеведов, воспоминания ветеранов нефтезавода, просмотрены статьи журнала «Сибирь и Я», подшивки газет «Омская правда», «Молодой сталинец», «Молодой сибиряк». Особое внимание было уделено поиску хроники. В Интернете были найдены уникальные видеодокументы 50-х годов, в которых запечатлено строительство нефтезавода, от приезда комсомольцев на Всесоюзную стройку до открытия первой установки, и городка Нефтяников. Собранный материал позволил понять масштаб личности этого человека, реализовавшего свой потенциал, достигшего целей, которые многим казались недостижимыми. Большое впечатление произвела на участников экскурсия в музей нефтезавода, в экспозиции которого важное место отведено разнообразным, богатым экспонатам, связанным с деятельностью и личностью А.М. Малунцева. Именно здесь, среди экспонатов музея, знаниевый компонент расширился до эмоционального, личностного и позволил студентам более глубоко осмыслить материал, освоить новый патриотический опыт.

В городке Нефтяников студенты посетили те памятные места, где до сих пор ощущается незримое присутствие А.М. Малунцева, сделали фотографии, уже другими глазами смотрели на город, в строительство которого вложил свою душу первый руководитель нефтезавода. Из множества объектов нами

были выбраны самые интересные и по внешнему виду, и по той информации, которую они несут, составлен маршрут виртуальной экскурсии: колледж, стела, дом №13 на улице А.М. Малунцева, дом №60 на улице Мира, проходная и музей нефтезавода, Дворец искусств имени А.М. Малунцева, театр «Студия» Л. Ермолаевой», гимназия №84 имени А.М. Малунцева.

Сценарий неоднократно переписывался: при ограниченном количестве времени хотелось представить лаконичную и в то же время глубокую и разностороннюю информацию об этом человеке. На изменения содержания влияли и названия: первоначальное «Главный нефтяник Омска» было заменено, на наш взгляд, более емким – «Эпоха А.М. Малунцева».

Работа над сценарием дала возможность приобретения опыта ведения диалога, дискуссий, развития коммуникативных способностей, приобщения к творческой деятельности.

Сами съемки длились относительно недолго – один день, поскольку была проведена большая предварительная работа, связанная с выразительным чтением. На завершающем этапе краеведческая деятельность объединила учащихся, преподавателей, а также родителей, которые вместе с детьми изучали Омск, организовав поездку по экскурсионным объектам.

Видеоролик «Эпоха А.М. Малунцева» уже был показан в группе КИП1-196 и вызвал неподдельный интерес. 16 февраля – в день рождения А.М. Малунцева – его увидят студенты и преподаватели колледжа. В конце учебного года он будет представлен в рамках конкурса проектов «Алмазная россыпь познаний», и, надеемся, станет ярким познавательным событием в жизни колледжа. Виртуальная экскурсия может стать дополнением экспозиции музея ОПЭК и музея нефтезавода.

Применение информационно-коммуникативных технологий во внеурочной деятельности создает благоприятные условия для организации личностно-ориентированного обучения и информационной компетентности и культуры как обучающихся, так и преподавателей. Компьютерные технологии

способствуют формированию эмоционально-ценностного отношения к действительности, воспитанию сопричастности к прошлому и настоящему города и края, что в конечном счете повышает эффективность воспитательного процесса. Только на основе переживаний крепнет чувство привязанности к родной земле, гордости за людей, которые делали ее историю.

Необходимость использования ИКТ во внеурочной деятельности не вызывает сомнений.

Литература:

1. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы» от 30 декабря 2015 года N1493 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420327349>

Сетевые конкурсы как инструмент продвижения литературного творчества

Н.М. Ревкова

На сегодняшний день основным индикатором состояния развития литературы в провинции является, на мой взгляд, распространение и развитие сетевых форм общения и взаимодействия между авторами. Одной из таких форм взаимодействия являются сетевые литературные конкурсы.

На этом фоне актуальным выглядит изучение процессов, происходящих на литературных сайтах и ставших возможными исключительно благодаря социально-коммуникативным возможностям сети Интернет. Всё это даёт шанс авторам из географически отдалённых регионов популяризировать своё творчество не только в России, но и в странах, где есть русскоговорящие соотечественники. Сетевые конкурсы – шанс расширить контакты среди авторов, найти новых читателей, отточить личное мастерство, выпустить печатную книгу.

Сетевые конкурсы; литературные конкурсы.

1. Сетелитература.

Сетевая литература появилась сразу же, как только возникла сеть.

С интернетом в Барнауле были проблемы, а «Библиотеку Мошкова» уже презентовали на CD-дисках. Понятно, что и в Рунете, то есть в русскоязычном Интернете, первой электронной библиотекой стала библиотека Мошкова. И был это всего лишь 1994 год. В мире же первым проектом по созданию электронной библиотеки стал проект «Гутенберг» (1971 год). 23 года. Бывает...

Зато дальше всё развивалось стремительно. Алексей Караковский в своей «Истории и практике сетевой литературы» пишет, что история рулинета (русского литературного интернета) как культурного явления началась с

деятельности всего лишь одного энтузиаста – предпринимателя Леонида Делицына.

О человеке Делицыне известно немного. Наверняка можно сказать только то, что он - геофизик. Известно также, что первым проектом Леонида Делицына был журнал «De.lit.Zyue». Он же и перерос в его главное детище – конкурс русской сетевой литературы – «Тенёта».

Конкурс «Тенёта», проводившийся с 1996 года, сумел не только объединить большинство Интернет-ресурсов, посвящённых литературе, но и привлечь к работе конкурса литературу бумажную.

Только вдумайтесь – конкурс «Тенёта» видел свою миссию в том, чтобы:

- способствовать развитию сетевого литературного издательского дела в России;
- выявлять лучшие работы, опубликованные в сети;
- представлять широкому сетевому читателю новые имена;
- помогать перспективным сетевым литераторам наладить профессиональные контакты онлайн;
- представлять молодых профессиональных литераторов сетевым читателям;
- обеспечивать оперативное обсуждение профессиональной критикой интересных литературных работ как столичных, так и региональных авторов.

Это был момент, когда сетература пошла ва-банк. Решался вопрос: всё или ничего. В 1999-2000 гг. о работах сетевых авторов стали писать критики: Вячеслав Курицын, Сергей Костырко, Илья Кукулин, Дмитрий Бавильский. Обзоры сетевой литературы и «Тенёта» начали появляться в «толстых» литературных журналах («Иностранная литература», «Новый мир»).

В число членов жюри конкурса входили на разных этапах Борис Стругацкий, Андрей Битов, Александр Кушнер, Сергей Лукьяненко, Виктор Ерофеев, Макс Фрай. Среди участников первого конкурса были Бахыт Кенжеев и Дмитрий Пригов.

Конкурс «Тенёта» был великолепен. А потом он самовыпилился. Число участников конкурса выросло за время его существования с 20 работ в 6 номинациях в 1994 году («Тенёту» начали в 1996-м, но с ретроспекции сразу по итогам 1994 и 1995 гг. – Н.Р.) до 1113 работ в 27 номинациях в 2000 году.

Последний раз конкурс был проведён в 2002 году. Прекратили его в связи со слишком большим количеством конкурсного материала.

Литераторов в сети становилось всё больше, и уследить за этой волной было уже невозможно.

Вот так у сетевой литературы не получилось захватить весь литературный русскоязычный мир. Дарт Вейдер был повержен, но сетература осталась жива.

Тот же проект Максима Мошкова существует до сих пор. И к библиотеке добавился сайт «Самиздат» – журнал со свободной публикацией. И конкурсов в сети – хватает. Но больше никто не пытается объять необъятное.

2. Сетевые конкурсы, они же – сетеконны.

Итак: появление интернета послужило причиной появления сетевой литературы. Следом возникли и сетевые литературные конкурсы. Первый сетекон «Тенёта», пытавшийся объять всю необъятную сетелитературу, почил в бозе, и на повестке дня оказались более мелкие сетевые литературные конкурсы. Их было много, они были разные.

В чём главное отличие сетевых конкурсов от тех, что проводят в реале? В них не играют особой роли возраст, должности, регалии, место жительства. В ходе таких конкурсов организаторы и участники не видят друг друга. В литературную полемику с признанным автором может вступить старшеклассник, и не факт, что в споре победит более знающий и опытный. Тем более что чаще всего сетеконны – самосудные. Бывают и с жюри, но реже. Потому в сетевом конкурсе неизвестный может победить известного, безымянный – именитого.

Гарантирует ли это честность игры? Нет, конечно. Человек человека обманет везде. Анонимность не мешает участникам списываться по e-мейлу и голосовать «за своих», если в конкурсе предусмотрен самосуд. Не мешает членам жюри выставлять свои рассказы и играть, по сути, самим с собой. Анонимно же...

Но всё это считается дурным тоном. Конкурс, где слишком много «междусобойчиков», быстро вырождается, теряет популярность. Ведь, как бы ни хвалили кукушки и петухи друг друга, рассказы таких «победителей» читать скучно. И тем не менее есть коны, где постоянно, год за годом, играют одни и те же люди, выбирают «победителей» внутри своего же сообщества и агрессивно троллят случайных новичков. Но это не самое большое зло сетеконков. Главное их зло – реал.

Реал рвётся в интернет со своими мерками. Он ищет в Сети тех, кто готов платить деньги. Впрочем, обо всём по порядку.

3. Классификация:

Сетеконы делятся на: 1) фантастические, 2) нефантастические, 3) случайные. Начнём с конца.

Случайные коны часто связаны с каким-то нечаянным спонсором, который мечтает продвинуть свою рекламу необычным способом. Попадались мне и «автомобильные» игры, и туристические, и даже фарфоровый завод не так давно, отмечая юбилей, объявил конкурс стихов про фарфор. Выиграть какой-нибудь приз в таком конкурсе вполне реально. «Оргам» часто нет никакого дела до того, кто там играет. Они заинтересованы только в пиаре.

Нефантастические коны отличаются страстью оргов к банальному обогащению. Есть, например, на сайте «Проза.ру» премии «Народный писатель», «Писатель года» и т. п. Этаким конкурсный отбор в сборники. Суть тут в том, что основному большинству номинированных на премию такого рода попросту предложат напечататься в коллективном сборнике с переплатой

раза в три по сравнению с тем, если бы они решили издаться за собственные деньги самостоятельно.

Конечно, есть честные конкурсы и премии подобного рода – куда без них. Но в массе все эти «золотые перья» достаточно опасны для кошелька.

Среди фантастических конкурсов тоже есть платные, когда люди собирают сборник и издают в складчину, но они, как показала практика, более честные. В целом же пока ситуация такая: если хочешь поиграть в Сети – приходится выбирать фантастику. Чаще всего фантконы самосудные полностью или самосудные на первом этапе, а уже тех, кто пройдёт сеть коллективного отбора, судит приглашённое жюри. Есть и полностью самосудные, и те, где сразу и жюри, и самосуд. (Ещё бы кубик кидали, да?)

Самосудная процедура в некоторых конах позволяет любому желающему победить независимо от качества текста при условии, что он проявит достаточное трудолюбие и хитрость.

Всего-то и нужно – написать необходимое количество текстов (из расчёта 20% от общего числа участников) и подать их с разных ай пи (прокси, интернет-кафе, знакомые с компьютерами), а затем поставить себе десятки, а самым сильным соперникам колы.

Да-да, попадалось мне и такое. Но в большинстве случаев играют более-менее честно. Хочется же не только лавры, но и себя испытать. И приходилось мне, например, играть анонимно в одном конкурсе с известным фантастом Святославом Логиновым, а кто-то играл с Сергеем Лукьяненко или с Leo Кагановым. И в момент игры признанные писатели были наравне с остальными участниками.

4. «Грелка»

Самый популярный конкурс фантастического рассказа в Сети, скорее всего, «Рваная грелка». Основные принципы «Грелки» – самоминация и анонимность участников.

Рассказы ограниченного объёма на заданную тему (обычно предлагаемую мэтрами фантастики – «арбитрами», среди которых однажды был даже Роберт Шекли) сочиняются в заданный краткий срок. Оценку рассказам (и это принципиально) дают сами участники конкурса: каждый обязан прочесть и оценить по шестибальной системе все рассказы в своей подгруппе. Призов нет, но «порвать грелку» – очень почётно. Среди победителей были, например, всё те же Сергей Лукьяненко и Леонид Каганов.

Аналогичные «Грелке» конкурсы проходят и на других ресурсах, но «Грелка» – самый азартный и знаменитый. Да, там лексику при общении не фильтруют. Самый жёсткий троллинг – тоже на «Грелке». Но этим она и славна.

Чтобы победить в «грелочном» конкурсе, нужно уметь понравиться не экспертам, а коллегам-писателям; удивить их, причём не выстраданным годами шедевром, а поспешно написанным этюдом на заданную тему. Минус в том, что побеждают не самые сильные рассказы, а те, что нравятся большинству.

Пора перечислить наиболее известные сетевые кони:

- «Рваная грелка» – самый раскрученный из сетконов. Здесь традиционно самый сильный состав участников, проверенная временем система оценивания;

- «Блэк-Джек» – достаточно массовый кон на «Самиздате», бывает по 300 рассказов в заход, в нём трудно найти жемчужину, но обсуждения интересные;

- Фантлабовские кони – похоже, скатились в междусобойчик;

- Конкурс журнала «Химия и жизнь» – реальная возможность публикации, берут каждый год 12 рассказов;

- «Вареники», «Астра Блиц», «Малая проза» и т. п. – проводятся в «Живом журнале», бывает неплохой состав, там могут взять рассказ и в журнал «Полдень», «Мир Фантастики», «Астра-нова», и в сборник;

– «Колфан» – тоже проводится в «Живом журнале». Примечателен «коллективными заездами», они же – командники. Любопытная игра, когда один рассказ-экспромт на заданную тему прямо в Сети пишут несколько авторов, выкладывая «продолжение» друг за другом. Игра идёт вслепую, тему знает только капитан команды, и авторам не разрешается обсуждать между собой сюжет. Хороший литературный тренинг, попробуйте. Кстати, это не единственный конкурс-тренинг без призов (кроме моральных). В сети много игровых площадок, где авторы могут в разнообразных литературных играх набить руку и отточить зубы;

– Конкурсы портала «Author.Today» (романы, рассказы, рецензии, иллюстрации) – свежая заявка на честную игру с денежными призами. Посмотрим, что у них получится. Всё-таки в сети очень легко накручивать голоса в свою пользу. И для этого не нужно быть писателем, даже наоборот.

Ну и ещё один феномен: сейчас хватает бумажных проектов, участников которых... тоже набирают через Сеть. Я даже скажу, что сайты вроде «Продомана» и «ЛитЭры» создавались специально для просеивания сетевых писателей с целью выбрать пригодные для печати рассказы и романы. Там конкурсы идут с целью набрать романы определённой тематики для книжной серии.

Бумажное и сетевое литературные пространства перемешались сегодня. Вот и мне тоже приходилось принимать участие в сетевых отборах рассказов в тематические сборники, и даже выигрывать таковые. Чего и вам желаю!

Именно Интернет-пространство является сейчас большим подспорьем для литераторов из отдалённых уголков Сибири. Умелое использование современных способов продвижения в Сети своего творчества помогает стереть границы и расстояния.

Литература:

1. Смоленский В. Русская сетевая литература: доклад на симпозиуме «Русская культура на пороге нового века», университет Хоккайдо, «Центр Славянских Исследований», 2000 г.
2. Тимофеева Г. Структурирование, социализация и экспертиза литературных ресурсов Интернета// RELGA. – №12.– 2010 г.
3. Ромм Ф.А. Как проводить сетевые конкурсы? // Самиздат.
4. Галина М. Конец эпохи гигантов // Знамя. №4. 2007 г.
5. Цуркан В. Литературные сетевые конкурсы. Как писать и как читать обзоры? // Школа жизни.ги.
6. Сайты сетевых конкурсов: «Грелка», «Мини-проза», «Колфан», «Хиж», «Фантлаб», «Азимут», «ТМ», Блек Джек», «Хиж» и другие.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бытко Сергей Станиславович - старший преподаватель, аспирант ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет».

Восквицова Татьяна Николаевна - преподаватель первой квалификационной категории БПОУ Омской области «Омский промышленно-экономический колледж».

Гуселетова Татьяна Вацлавовна - младший научный сотрудник БУК Омской области «Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская», (п. Большеречье, Омская обл.).

Демешко Виталий Николаевич - кандидат географических наук, доцент кафедры «Связи с общественностью, сервис и туризм» ФГБОУ ВО «Омский государственный университет путей сообщения».

Дрозд Светлана Николаевна - преподаватель высшей квалификационной категории БПОУ Омской области «Омский промышленно-экономический колледж».

Каткова Елена Ивановна - заведующий сектором краеведческой библиографии БУК Омской области «Омская государственная областная научная библиотека имени А.С. Пушкина».

Келлер Любовь Ивановна - магистрант кафедры современной отечественной истории и историографии исторического факультета ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского», экскурсовод БУК Омской области «Омский государственный историко-краеведческий музей».

Копнинов Валерий Павлович - редактор журнала «Фантастическая среда», Литературное агентство «Нео-Лит», Алтайский край, г. Барнаул.

Коптева Элеонора Ивановна - доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературы и культурологии ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет».

Махнанова Ирина Алексеевна - учёный секретарь БУК Омской области «Омский государственный литературный музей имени Ф.М. Достоевского».

Никифорова Зоя Ивановна - преподаватель ФБПОУ ОО «Сибирский профессиональный колледж» (филиал) (Сосновское, Омская обл.).

Рахматулина Евгения Юрьевна - аспирант исторического факультета ФГБОУ ВО «Алтайский Государственный университет» (Барнаул), научный сотрудник Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника, г. Усть-Каменогорск, Казахстан.

Ревкова Наталья Михайловна - главный редактор газеты РТВ «Алтай» (ГТРК «Алтай»), соредатор журнала «Фантастическая среда», Литературное агентство «Нео-Лит», Алтайский край, г. Барнаул.

Тихонов Александр Александрович - экскурсовод исторического мультимедийного парка «Россия – Моя История. Омск».

Томилов Николай Аркадьевич - профессор, доктор исторических наук, член президиума Омского научного центра СО РАН, директор Омского филиала ФГБУН «Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук», действительный член Академий гуманитарных, естественных и социальных наук России.

Физиков Вадим Михайлович - кандидат филологических наук.

Хлебников Михаил Владимирович - кандидат философских наук, доцент кафедры общественных наук Новосибирского юридического института (филиал) ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

«Сибирь литературная. XVIII-XXI века»:

материалы Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 100-летию общественно-политических событий
февраля-октября 1917 года
(Омск, 19 октября 2017 г.).

Электронное издание.